

Джон Фэи

ДО ЧЕГО ЖЕ
ДОВЁЛ МЕНЯ
БЛЮГРАСС

Джон Фэй

**До чего же довёл меня
блюграсс. Блюзы и монстры,
которые разрушали мою жизнь**

Книжный магазин "Циолковский"

2000

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(Сое)53-44

Фэй Д.

До чего же довёл меня блюграсс. Блюзы и монстры, которые разрушали мою жизнь / Д. Фэй — Книжный магазин "Циолковский", 2000

ISBN 978-5-6044454-4-0

Джон Фэй (John Fahey) больше известен отечественному слушателю как самобытный американский гитарист, композитор, бережный и трепетный собиратель старого чёрного блюза, вызволивший из небытия немало позабытых имён. Но как писатель он известен значительно меньше. Перед вами автобиографические рассказы Джона Фэй, где факты соседствуют с фактоидами, в сюрреалистическую ткань реальности вторгаются сны, происходят встречи с призраками и богами, текст насыщен философскими терминами и при том предельно лиричен, не говоря уж про отменное чувство юмора – с такой стороны Фэй вы ещё не знали, но могли бы и догадаться, если внимательно слушали его невероятной красоты гитарные пьесы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(Сое)53-44

ISBN 978-5-6044454-4-0

© Фэй Д., 2000

© Книжный магазин
"Циолковский", 2000

Содержание

Предисловие	8
Округа	12
1. Евреи	12
2. Эдди	13
3. Первая хрустальная	16
4. Школа жизни (ликбез) теория и практика	18
5. Псалмы	25
VI. Моя вторая жизнь	40
VII. История Наташи Фельдман	42
Вожатый	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джон Фэй
До чего же довёл меня блюграсс. Блюзы и
монстры, которые разрушали мою жизнь

Перевод с английского языка и комментарии Георгий Осипов

© ООО «Книгократия», 2021

© Георгий Осипов, перевод с английского, 2020

Блюграсс – разновидность музыкального фольклора, чья родина горные районы штата Кентукки. От «городского» кантри блюграсс отличает использование только акустических инструментов и коллективное исполнение мелодии всем оркестром, без выделенных соло. В результате чего создаётся гипнотический «грохот» со строгой внутренней структурой. Отсюда нелинейное сходство с биг-бэндом Стэна Кентона на почве гетеродоксального вагнерианства. Интенсивные инструментальные пьесы в этом стиле так и называются *breakdown* – от слова «обрыв», и звучат они лавинообразно.

Chicago: Drag City Incorporated

2000

Предисловие

Первое, что бросается в глаза в перечне патриархов чёрного блюза, это средневековое количество Слепых. Вы ещё не слышали, как звучит в оригинале Blind Lemon Jefferson, но вам заранее известно, что он был слеп.

Многие из этих гениальных инвалидов обрели вторую жизнь благодаря подвижничеству молодого человека по имени Джон Фэй.

Даже самый искусный глазник едва ли сможет вернуть зрение мертвецу, но Джон Фэй вернул голос ряду мастеров довоенного качества, как покойных, так и заживо погребённых в гетто нищеты и забвения. Их слышали. Заголовок «Джон Фэй – реаниматор» выглядит заслуженно и эффектно, но очерка с таким названием не существует в природе.

Fahey. Произнести фамилию правильно было довольно сложно, а послушать, что и как играет её обладатель, ещё сложнее. В те времена даже строка «имя твоё пять букв» была предметом щегольства осведомлённостью, ведь по идее их четыре. В имени Fahey читаются пять, а произносятся всего три, с ударением на последней букве.

Я услышал его игру в саундтреке к фильму «Забриски Пойнт», оказавшемся у меня случайно, поскольку музыка остальных групп на диске была мне абсолютно безразлична. Это был фрагмент акустического блюза, в названии говорилось что-то про смерть. «И пожалел о краткости её» – фраза Андрея Платонова всплыла, как только вещь завершилась. Она могла бы занять целую сторону лонгплея.

Саундтреки недоступных картин лишали зрителя зрения, но эту короткую и негромкую пьесу можно было слушать с закрытыми глазами. Что я и проделывал десятки раз, пока пластинку не выклянчил один студент ради трёх композиций Пинк Флойда.

Я был уверен, что, как это уже было с Мэнсоном, судьба позаботится о дальнейшем ознакомления с творчеством Джона Фэй, но перерыв затянулся. В годы дефицита приходилось довольствоваться крупичками.

По этой причине он стал фаворитом моих радиодиверсий в середине девяностых, когда его физическая жизнь уже начала движение под откос до конечной остановки на кладбище машин, в одной из которых он – аутентичный отшельник двадцатого века, проведёт свои последние дни.

Музыку можно слушать вслепую, но книги не читаются на ощупь. Текст надо видеть. Теперь он перед вами.

Вниманию читателя предлагается не «мастерский перевод» профессионала, а порывистый опыт поклонника. Нечто вроде провальной, но искренней игры Сибиллы Вейн. Которая так разочаровала старших товарищей Дориана Грэя.

Так поступали в былые времена – услышав яркую вещь, человек брал гитару и пытался «снять» соло, как скаल्प. Звучало это чудовищно, однако со временем монструозность пробуждает симпатию и ностальгию. Как советские переводы зарубежной прозы, адаптированные сообразно морально-идеологическим нормам, с их «заправилами» и «педиками».

В повести у Лавкрафта пришелец из прошлого наводит на подозрение детальным описанием подробностей, которые никак не могут быть известны современному человеку. Он изображает как скрипела на зимнем ветру вывеска питейного заведения двести лет назад.

Джон Фэй изумлял своих молодых коллег поиском звука, передающего скрип лопаты, соскребающей утренний снег на пустынном перроне в городке, где прошло его детство.

Оставляя сюжет нетронутым, перевод искажает реальность, где говорят на другом языке, и в ней вызревают персонажи-мутанты. Самый банальный пример – Холден Колфилд.

Но мутантов и монстров в рассказах Фэй хватает и без этого. Люди-кошки навеяны знаменитым фильмом Жака Турнера и, возможно, «Старинными чарами» А. Блэквуда. В страш-

ной истории на рыбалке нелинейно спародирован «Старик и море», а лирическая новелла «Оранжевый апрель» (переименованная нами в «Не бывать тебе в новом Орлеане») похожа на замечательную картину «Портрет Дженни».

Caveat lector — в этой книге читатель не найдёт того, чего обычно ждут от прозы американских аутсайдеров. Пишет он без «усилителей вкуса», важнейшие из них – сленг и мат – встречаются в его текстах чрезвычайно редко.

При первой возможности Джон Фэй кивает на первоисточник, благородно жертвуя шансом блеснуть эрудицией. Ибо знающий молчит, а в блюзе важно не то, что извлечено, а то, что не сыграно. То есть пустые места и пробелы.

Избегая эпигонства, автор коротко посылает читателя к мастерам «южной готики», в сторону Фолкнера и Юдоры Уэлти – дескать, «всё написано до нас».

О музыкальных особенностях своих кумиров он повествует не менее скупно. Имена Хэнка Вильямса и Рузвельта Сайкса можно заменить любыми другими, и, уверяю вас, мало кто заметит подмену без подсказки возмущённых «экспертов».

Мы тоже кое-что подменили для удобства читателя, убрав крупный шрифт и упорядочив пунктуацией авторские «поливывы», где он лупит пятернёй по открытым струнам, передавая таким путём пограничное состояние, когда «с безумием граничит разумение».

Несколько удручает обилие имён и прозвищ реликтовых исполнителей блюза и кантри. Не удалив ни одно из них, мы не стали выдавать биографическую справку на каждого, поскольку тот, кому это любопытно, может послушать любого из этих великих артистов в сети.

Стенографируя разговоры своих персонажей, Фэй не разнообразит их речь метафорами. Похоже, что умышленно. Он эллиптичен, как Дэшил Хеммит с его культовым диалогом Сэма Спейда и Уилмера Кука:

– *Где он?*

– *Кто?*

– *Пидорас.*

Только в его репликах полностью отсутствует нервозный, пульсирующий саспенс нуара. Положения и лица, при всей их монструозности, напоминают апатичные видения морфиниста, в духе гигантской мухи, которую под воздействием этого препарата увидела Анна Ахматова.

Но пишет об этом не наркоман или шизофреник, а скорее перфекционист на досуге (третий удачный заголовок за один сеанс). «Гарику не надо колоться, он – наркоман духа» (заголовок номер четыре) – говорил один мой талантливый, но тяжело зависимый товарищ сорок лет назад.

Фэй именно такой «наркоман», или «работоспособный алкоголик». Недостаток жаргона и брани он компенсирует фамилиями учёных и философов, именами известных и экзотических богов, религиозно-философской терминологией без её пояснения.

Превращения и вторжение потусторонних сил также обходится без красочных подробностей, обязательных для готического жанра.

Тема поезда («Не бывать тебе в Новом Орлеане») пробуждает в русском читателе ассоциацию с поэмой Венедикта Ерофеева и с не менее *психо-миражным* фильмом Шукшина «Печки-лавочки».

Множественное, тоже, думаю, умышленное повторение избитых выражений – прозу Анатолия Гладилина.

Сюрреализм без спецэффектов – картины Эда Вуда-младшего.

Переводной Сэлинджер соседствует с драматургией Введенского, но обе реминисценции искажены особым воздухом, особой акустикой Мэриленда конца сороковых.

Время от времени текст напоминает в схематичные наброски киносценария. Издатели подчёркивали, что не изменили ни одной буквы при перепечатке рукописных бумаг, которые Фэй, свернув рулоном, таскал в боковом кармане пиджака.

У читателя то и дело возникают вопросы и претензии не только к автору, но и к себе. Не получив ответа, они постепенно отпадают, затем возвращаются, продолжая «немножко беспокоить».

И вдруг (Фэй использует это слово десятки раз) атональное треньканье перерастает в красивейшие каскады органного звучания.

Джон Фэй изначально представлялся мне агрессивным пессимистом, принимающим прогресс и современность как удар бампером или рельсом, который необходимо отразить к ужасу очевидцев. Каждый человек с похожим мироощущением делает это по-своему.

Кто-то пишет прошения о помиловании, кто-то анонимки, кто-то корпит над исправленной версией «Майн кампф». Каждый рассказ Джона Фэй, как подметили американцы, содержит в себе мемуар, анекдот и манифест, подчас весьма радикальный.

В эпоху дефицита мне катастрофически не хватало сведений об этом человеке, не в плане «фактов биографии», а того, как работает его мозг, дьявольски хотелось узнать, как говорится, *what makes him tick*.

Теперь они доступны. Маячат перед вами, мозолят глаза людям, которые вряд ли станут *такое* читать, тем более расхваливать.

Это не перевод с большой буквы, а «кавер-версия» энтузиаста, дублирующего анекдот про Карузо и Рабиновича. Подойти к этой задаче по-иному, означало бы осквернить и сфальсифицировать нечто большее, чем несколько идиом и грамматических оборотов – подробнейший отчёт о банальности полиморфного ужаса, никак не связанного с достижениями науки и техники, диктующими свою железную волю коммерческим фантастам.

Воображение никак не задействовано в этом потоке не фильтрованных гностических «воспоминаний», время от времени приводимых в строгий порядок логикой опытного импровизатора.

Это не графаретные «миры» раскрученных сочинителей. Это реальность реалиста Джона Фэй.

Как только обмен репликами начинает раздражать, тут же, подобно неоновой вывеске кинотеатра, вспыхивают слова Введенского: «Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли».

Джон Фэй пишет «и о погоде». Каков бы ни был сезон, в нём всегда ощущается холод. Холод проникновения потусторонних форм жизни в царство искусственного климата, в салончик обогревателей и кондиционеров.

Феномен Фэй (пятый заголовок) уникален тем, что о таких людях узнают без подсказки. Звон акустической гитары просачивается из прошлого, подобно скрипу вывески в истории Декстера Уорда.

* * *

*В моей душе играет блю-ууз
С тех пор как ты ушла с другим...*

При переложении прозы музыканта на совершенно незнакомый ему язык важен ритм и темп. Ещё важнее укладка русского текста на мелодии песен, которые цитирует Фэй в своих рассказах.

Когда речь идёт о музыке на патефонных пластинках, очень важен элемент ухудшенного звука, эффект отдалённого присутствия, позволяющий окунуться во времена, где поют Эммит Миллер, Эдди Кантор, Текс Риттер – ещё живые.

Наши исполнители городского фольклора прошлых лет тоже воспринимаются только в плёночном формате. Тот же Костя Беляев – чисто советский аутсайдер иеретик-самородок.

Когда Фэй не находит подходящего слова в лексиконе, он выдумывает новое.

Константин Николаевич делал то же самое – в его версии «Ромео и Джульетты» фигурирует злодей *Гемаль*. И это намного интересней хрестоматийного Тибальда.

У Беляева «гемаль», у Фэй – орматозоид, нет... Уже забыл, найдите сами. Нет, вспомнил – *озматроид*. Словечко ещё более редкое, чем фамилия Лавкрафт.

Кошмары под гитару.

Джон Фэй и его афро-валгалла. Афро-анненэрбе Джона Фэй – осилив книгу до конца, читатель убедится, что эти словосочетания не так уж и абсурдны. Скорей наоборот.

Комары под гитару тоже.

Родись он здесь, мог бы аккомпанировать тому же Беляеву, который подчёркивал, что «мне нужен классный *гитарист*».

Игорю Эренбургу, Северному, Головину.

«Смерть Слепого Джо» – запоминается с первого раза. Так зовут одно из музыкальных приведений, чей дух он вызывал неоднократно. В этом было нечто от бесконечных экранизации «Дракулы» и «Франкенштейна».

Опережая упреки в неточности, уточним, что на самом деле «Смерть Слепого Джо» это вымышленный блюзмен Слепой Джо Смерть, главнейший в сонме незрячих колдунов Джона Фэй.

* * *

Отыскался клочок бумаги с прологом предполагаемого предисловия:

Мне трудно воспринимать Джона Фэй как новинку, как «открытие», сенсацию или сюрприз. Хотя сближение с его творчеством, подчас опасное, было долгим, как погоня за миражом, или наоборот, как мираж, преследующий пустынного, недооценившего действительность проклятий, переоценив крепость своей нервной системы.

Литературное мастерство этого музыканта было мне знакомо исключительно по его аннотациям на обложках пластинок. К тому же он был превосходным иллюстратором в манере Рокуэлла Кента.

Исполняя свои «кошмары под гитару» (ещё один заголовок ненаписанного эссе) он надменно хулил обезьянник дрессированных виртуозов, презирал электрификацию и показуху. Представить Джона Фэй членом рок-политбюро с приставкой «сэр» категорически невозможно.

Георгий Осипов

Округа

1. Евреи

Мы поселились на окраине Вашингтона в сорок пятом. Сразу после того как на Японию упали *те две большие*. Мы очутились в самом центре вашингтонского гетто, где все вокруг – и соседи и школьники – были одни евреи. Поскольку отец мой говорил с нью-йоркским акцентом, или ещё почему-то, но они поначалу приняли нас за своих. Я был слишком мал, чтобы знать, кто еврей, а кто нет. Равно как и о том, что моей прапрабабкой по линии матери была еврейка с фамилией Вайль. Моя мать была сообразительна, с высоким IQ. И я обратил внимание на одну странность – и до и после переезда она дружила в основном с еврейками. Однако ни одна из этих подруг ни разу не указала на её еврейское происхождение.

Я и сам об этом не догадывался, пока не увидел свидетельство моей прабабушки – красочно оформленный документ, написанный готическим шрифтом давным-давно в Пенсильвании.

Мне было за сорок, когда я впервые увидел эту бумагу. Предпочитая общаться с евреями, я делал это, потому что они прямолинейнее гоев. А я переживал за свои чувства, с трудом доверяя гоям. Я никогда не мог вычислить по стальному взгляду этих непроницаемо-тусклых глаз, о чём они думают и что затевают.

И до сих пор не могу.

Вы понимаете, о чём я.

Еврейская диаспора не такая, как остальные. Если сами вы не еврей, но готовы дружить, вас не отвергнут. Вам ни о чём не надо просить. Вы общаетесь, мало-помалу становясь членом сообщества, и до какой-то степени в вас тоже начинают находить что-то «еврейское».

«Еврейское» в том смысле, что вы участник еврейской компании.

В том, что говорят про евреев гои, много антисемитизма. По мнению гоев, евреи это клан. Как-то я не замечал меж них особой клановости. Зато её хватает среди гоев.

Значит, так я там и рос на северо-западе округа Колумбия, среди евреев и почитаемый за одного из них. Никто ни разу мне об этом не сказал. А я был слишком мал, чтобы понимать, что меня отличает от моих друзей.

В реальной жизни никакой разницы и впрямь не было. На бытовом и *бытийном* уровне.

Что-то могло быть в текстах. Может, оно и было в мозгах у священников и раввинов. Но в повседневной жизни гетто меня никто не обижал. То был период счастья и покоя. Правда, ему суждено было вскоре прекратиться, но я вспоминаю о нём с тёплым чувством.

Припоминаю вечер нашего переезда в новый дом на окраине. Мне, сонному, эта процедура совсем не нравилась. Припоминаю и ту смесь застенчивости и страха, когда я наутро готовил себя к переходу улицы, где болтались местные ребята. Мать велела мне не бояться. Её поддержка была колоссальной.

Помнится, что в тот день мне почему-то вздумалось нарядиться в некий «мундир». Для этой цели я надел пробковый шлем и кое-что изменил в остальном гардеробе, что именно сейчас уже не припомню.

Я нервничал, боялся и стеснялся, однако всё же отправился на поиски ребят. Они играли в подвале у Денни Брисса, чей дом стоял западней на другой стороне улицы через несколько зданий от нашего.

2. Эдди

Их было человек пятнадцать, в основном мальчишки, но было и несколько девочек, возрастом от семи до двенадцати. Самым младшим оказался я. Мне было всего пять.

Двенадцатилетний мальчик по имени Эдди подошёл ко мне и спросил:

– Ну и кто это к нам пожаловал? Ты что, на сафари собрался?

Мне сразу же стало страшно от его непонятных слов.

– А что такое сафари? – спросил я у Эдди.

Дети наблюдали молча. Новичок в квартале – событие значительное.

– Сафари – это когда ты уходишь в джунгли охотиться на львов, тигров и так далее, – пояснил Эдди. – Там так жарко, что все носят пробковые шлемы, как у тебя на голове. Они защищают от невыносимо жаркого солнца в районе экватора.

– Экватора? Какой ещё «экватор»? Тоже впервые слышу.

– Впервые? – изумился Эдди. – Чтобы показать тебе экватор, нужен глобус. У нас дома он есть. Вот сходим ко мне попозже, и я тебе покажу.

– А глобус это что такое? Тоже никогда не слышал.

– Надо же, какой ты необразованный для второклассника. Тебе сколько?

– Мне пять. А тебе?

– Двенадцать. Мне двенадцать и звать меня Эдди. А тебя как зовут?

– Джонни Фэй. Я пришёл узнать, можно ли мне играть вместе с вами. Мы приехали только вчера вечером.

– Джонни Фэй, – повторил Эдди, исковеркав мою фамилию. Но я не стал его поправлять – не до того было. Мне хотелось остаться и поиграть.

По этой причине и Эдди и брат его Лэрри смеялись надо мной несколько лет подряд. Они тогда решили, что я тоже еврей. Дело в том, что среди их фамилий встречаются созвучные моей, типа «*фейгин*». Я видел их своими глазами в списках различных синагог и молодёжных организаций, куда я ходил, став старше.

– Теперь ясно – ты просто выглядишь крупнее своих лет. Вот я и решил, что ты старше. Тогда понятно, почему тебе не известно значение некоторых слов. Ведь ты ещё не ходишь в школу. Но я их тебе всё равно объясню.

– Спасибо, – сказал я, хотя меня не сильно волновало точное значение только что услышанных, новых для меня слов. Куда важнее было подружиться с этими ребятами, чтобы было с кем поиграть. Во что – пока неважно. Мне была нужна компания, а не глобус с экватором.

– Конечно, ты можешь с нами играть, ведь мы соседи. Значит, ты наш человек.

– Здорово! Спасибо. А я боялся, что вы не захотите, потому что я ещё маленький.

– С какой стати, Джонни? Здесь тебе бояться нечего. За малолетство мы тебя не прогоним. Приходи – играй, когда хочешь. Тебе не о чем беспокоиться и нечего бояться. А если что, обращай ко мне или к брату, и мы всё уладим. Район у нас чудесный, приличный район, и мы хотим, чтобы он оставался таким же и впредь. Поэтому мы стараемся помогать друг другу, чем и как только можем. В нашем районе одиноких нет. Потому что это было бы неправильно.

– А где твой брат, Эдди? Я не знаю кто он, потому что мы только приехали.

Эдди взял меня за руку и, подведя к младшему брату Лэрри, формально представил нас друг другу. Совсем по-взрослому. Лэрри был светловолос, а волосы Эдди – курчавые и чёрные. Внешнее сходство между ними оказалось невелико, но это не имело значения. Несмотря на разницу в два года, рост братьев был почти одинаков.

Эдди так и не вырос выше среднего роста. Зато он был силён, мускулист и бегал быстрее других. Кроме того, сообразителен. А бегать быстрее других ему доводилось частенько.

Эдди был вожаком районной шайки. Тогдашние формирования такого рода отличались от нынешних. К сожалению. Эдди предпочитал называть наше сообщество клубом. Став старше, они с братом действительно организовали помещение, где раз в месяц проходили клубные мероприятия. С танцами.

Названием клуба было «Эхо». Эдди был одновременно и организатор, и вожак и дипломат.

– Вы поселились в пять дробь десять, правильно? – спросил меня Эдди.

– А это что?

– Это, – пояснил он, так же, как будет это делать и впредь, – номер дома напротив, через два подъезда. Дома имеют номера. Разве ты не знал этого, Джонни?

– Нет. Этого я не знал. Но считать я умею. Давай, покажу?

– Давай, – согласился Эдди. – До десяти сможешь?

– Конечно, – ответил я, и сосчитал.

Тогда он решил проверить, смогу ли я до ста. Я смог, хотя местами было трудно и Эдди приходилось мне подсказывать. Поводом для экзамена по арифметике стало моё непонимание того, о чём он говорил мне ранее, а мне не хотелось прослыть бараном в глазах остальных ребят.

Увидев мою тупость, они могли меня невзлюбить. А то и просто отстранить от совместных игр. От этих мыслей мне снова стало тревожно и боязно. Но боязнь постепенно улетучилась, и я спокойно играл с новыми друзьями каждый день.

Лучшими из них были Эдди и Лэрри. Я понял это не сразу, поскольку был в ту пору туповат и не развит. Нет, я и в самом деле был слегка заторможен в плане интеллекта и общения.

И тут случилась одна поразительная вещь. Эдди и Лэрри решили помочь мне преодолеть отсталость путём развития речевых и читательских навыков. Ежедневно, с того самого дня, когда мы познакомились, и вплоть до сорок восьмого года, они заходили за мной и брали меня на экскурсию. Повсюду и ежедневно. Они меня просвещали, они заботились обо мне. Не знаю почему, но им меня было жаль, и вместо мальчишеского снобизма они прониклись ко мне симпатией, приняв ответственность за моё воспитание и образование.

Помощь с их стороны была грандиозной. И я догнал-таки остальных ребят. Исключительно благодаря ежедневной и многолетней заботе тех двух братьев.

Это были мои лучшие друзья. Они относились ко мне, я это чувствовал, как к третьему брату. Никто за всю жизнь не сделал для меня так много, как Эдди и Лэрри. И я никого не любил сильнее их. Не помоги они мне тогда, я бы до сих пор был отсталым и глупым.

Сразу после второго завтрака Эдди и Лэрри приходили к нам и целый день помогали матери распаковывать имущество. А его тоже оказалось немало.

Но их это не смущало, ведь мы соседи, и для них это было очень важно. Они и в будущем помогали нам много раз и по-разному. Теперь такие люди больше не попадаются. Не попадают и всё.

Я буду помнить о них, пока живу, а если рай существует, и я в него попаду, мы наверняка встретимся снова. Другие мне безразличны. То есть, мне безразлично, увижу я их или нет. Другое дело – общение с Эдди и Лэрри, как тогда – в детстве, таков мой идеал райской жизни. Всё, что мне необходимо для бесконечного счастья. Пусть они будут рядом – только и всего.

В облике Эдди было нечто, внушающее доверие с первого взгляда. Голос у него был зычный, а слова он выговаривал чётко и с расстановкой, как выражают свои мысли образованные люди. Он в самом деле был прилежным учеником и получал хорошие отметки.

И спал он, вероятно, совсем мало, разнося утренний выпуск «Вашингтон Пост». Но по нему, по его поведению никогда не было заметно, что он недосыпает. Он всегда был таким энергичным, будучи старше других ребят всего на год или на два. Тёмные волосы и брови, голос и выражение лица, всё это в совокупности говорило – этому человеку можно доверять.

Тем более, если ты член районной шайки. Да ему и взрослые доверяли. Если ты, конечно, жил по соседству. А если нет, тогда...

Эдди всячески прославлял свой район и его обитателей, внушая нам, что это особое место по типу парадиза или Валгаллы. Священной была даже почва у нас под ногами. В местных ручьях и источниках течёт святая вода. В наших рощах растут самые высокие в мире дубы. К тому же это необычные дубы. Это те самые священные дубы, что посадил при сотворении мира сам *Великий Кунаклястер*.

То же самое, учил нас Эдди, касается и трав и цветов и зарослей азалии. А также – рыбы, птиц и черепах. Черепаха была посвящена *Большому Ка*. Обычная, пресноводная коробчатая (*Terrapene Carolina*) служила предметом *культы Большого Ка*.

Поэтому всякий раз найдя черепаху, а их вокруг было полно, мы первым делом заботились о её пропитании, организуя временные лечебницы и питомники. Обнаружив рептилию, преждевременно вышедшую из спячки и заражённую смертоносной черепашьей чесоткой, мы выхаживали и откармливали её взаперти, пока снаружи не потеплеет достаточно, чтобы выпустить её на волю. А выпускали мы их в наиболее безопасном участке леса. Как можно дальше от улиц и шоссе, поскольку автомобиль – натуральный враг этих созданий. Несмотря на схожесть устройства. И обнаружив изувеченный трупик, мы мстили залётным лихачам, швыряя его на ветровое стекло машин, несущихся по Пайни Бренч Роуд и Филадельфия Авеню.

Так началась наша война с машинами, которую, со слов Эдди, благословил сам *Великий Ка*.

Мы находили точки, откуда удобно швырять булыжники. А в дальнейшем, когда появились боеприпасы, перешли на бомбометание. И кто только внушил этим людишкам, что они могут осквернять нашу *округу*, нашу *прародину*, истребляя без спроса сакральное животное Большого Ка. Повторяю вопрос: Кто? Кто? Кто?

Тамошняя земля обладала магической силой. В таких местах может свершиться любое чудо. И для людей, живущих на ней, невозможного нет. Эдди регулярно напоминал соседям, чтобы те убирали дворы, косили траву, о прополке сорняков и всём таком прочем.

Ему казалось странным, что кое-кто из них не ценит того, на какой сказочной земле он живёт, не сознаёт её королевского величия. Полагая святотатством пренебрежение не только почвой, но и внешним видом дворов и жилищ.

Он так и называл наш район – *uhrheimat*, «прародиной» (его знание немецкого я объясню вам позже). Он внушал нам, что корни всемирной культуры ведут в наш район. Именно здесь из уст человека прозвучала членораздельная речь, и местные жители придумали первые буквы. Архитектура и религия, само собой, не христианство, а настоящая, также зародились на том самом месте, где жили мы.

И мы ему верили, ведь он был великий оратор, мастер красноречия, способный убедить в чём угодно. Например, если кто-то не подметал у себя во дворе, это делали мы. И он всегда оберегал членов нашей команды от неприятностей. А это было необходимо в виду наших постоянных проказ и проделок.

3. Первая хрустальная

Вся наша банда в сборе, в том числе и я. Это мой первый *Вечер Нищих*. В те времена по обычаю культуры бассейна реки Слайго¹ Хэллоуин отмечали две ночи подряд. Главному торжеству предшествовал *Вечер Нищих*, когда мы прочёсывали соседские квартиры в поисках таких деликатесов, как: яблоки, конфеты «тутси», дальневосточные пряности, золото-серебро, драгоценности, антиквариат и маринованная верхняя плоть. А с теми, кто нам отказывал, мы разбирались непосредственно на Хэллоуин.

Мне всего пять, и я плохо понимаю, зачем это мы шастаем по квартирам в поисках сластей и прочего добра.

Мы вышли на улицу с громким названием А вот и нужный нам адрес – Кровавых Наветов, 7500. Как раз напротив районной психбольницы.

Подходим к дурдому, рядом старое лошадиное пастбище, напротив которого живёт чета Казаниверов. Нам эту парочку отлично видно. В панорамном (верх идиотизма) окне они как на ладони, но нас не видят, потому что уткнулись в свой дурацкий ящик.

Я как-то не ощущаю целенаправленной активности со стороны моих спутников. Я всё ещё туповат и заторможен. Происходящее в данный момент воспринимается мною как и всё остальное. Какие-то люди крутятся рядом, обсуждая и делая непонятные вещи. Дело в том, что я ещё не отличаю «цель» от «результата». В моём представлении всё происходит случайным образом. И никогда не угадаешь, что будет дальше. Моё понимание причин и следствий совсем ещё примитивно.

Но кое-что я уже чувствую. Мне, например, непонятно, почему никчёмным старикам в пижамах, с их сединой и телесным уродством, паразитам этим, так важно, чтобы *мы* их видели? Мы-то их видеть как раз не хотим. Насмотришься на такое и сам таким станешь. Старым как они. Пока стоишь рядом с четырёхметровым, невинного вида бревном, прямо у тебя под ногами. Правда, сию минуту я не думаю о том, каким образом бревно очутилось в этом месте. Мне всё ещё не хватает познаний, в том числе и о целесообразности явлений согласно телеологии. Я не только ещё не созрел для чётких представлений, я даже не сознаю необходимость их поиска. Расположение всего сущего во вселенной, в том числе и меня, всё ещё представляется мне произвольным, а поступок любого рода непоследовательным и беспричинным. Идиот-самоучка, я блуждаю в кошмарном интерьере абстрактной картины.

Целостная картина того вечернего происшествия стала ясна мне лишь много лет спустя.

С какой-то минуты мы дружно, как по команде взяли за тяжёлое бревно.

– Осторожней, Берг, – предостерег меня Эдди, мой замечательный вожак и опекун. – Там могут быть занозы.

Эдди. Всегда под боком, в нужное время, с нужной подсказкой. Брат его Лэрри в дальнейшем будет заботиться обо мне так же.

Они прозвали меня «бергом», приняв за еврея. Но с их стороны это было пределом язвительности. Братья любили свою родину. А в те пещерные времена патриот не мог не быть анти-семитом. О, как мне дороги те дни золотые, ладно – не будем...

В общем, приподняв ту огромную дубину, что валялась на лугу, мы держали её крепко. А Эдди инструктировал нас полужёпотом. Обращаясь к каждому персонально, он говорил: «помните, главное – без спешки. Я считаю до трёх, и как я скажу “три”, мы бросаем её со всей силы. Но только по моей команде. Запомнили – не дёргаться, пока я не скажу “три”. Начали».

---

¹ Это вымышленное место «изображено» Джоном Фэй в композиции *Sligo River Blues* (здесь и далее примечания переводчика).

Итак – бревно вздымается вверх и вперёд, его уже видно при свете уличных фонарей. Значит, его видят и никчёмные старики. А нам в свою очередь видны искажённые ужасом лица этих паразитов, наблюдающих за тем как мы – медленно, но решительно, подносим бревно к нелепо широченному окну.

Так, так, старуха за стеклом нас заметила, тычет пальцем и хочет что-то сказать этому старому пердуну, своему муженьку. Нет, она просто орёт. Срабатывает фотовспышка, затем ещё и ещё раз, кадр за кадром обостряя память о дальнейшем. А эти Казаниверы, оцепенев в маразме, не могут ни крикнуть, ни пошевелиться, с застывшим ужасом на лицах, словно бы готовых испортить воздух, дрожат на пороге *объемлющего* (это по Ясперсу) и падают в бездну от страха и ужаса, в чём суть всей проделанной нами работы.

Мы пришли ниоткуда, как древний хтонический монстр, и бревно – наш отросток, приближается к тем, кто скоро умрёт, поглощаемый бездной, комочек дремотной диаспоры, гал-гал-гал, получите-ка вашу сохранность и целость от блэков и зэков, гал-гал-гал, так вот вам привет от белых отбросов, или вы не знали, про наш потенциал и какой у нас есть монстр. Вместе, разом: ван, ту, *Сры!*

Разбегаясь под звон якобы небьющегося стекла, мы наконец-то успели оценить вопли старого пердуна с его пердухой. Их было слышать от Балтимор Авеню до Нижнего Портал Парка. Чёрт его знает, что оно значит, но это была наша первая *Кристаллнахт*.

Она, родимая – первая хрустальная. В дальнейшем будут и новые, но эта – самая первая, останется лучше всех.

И как бы туго я ни соображал, а фотографии с того стариковского погрома я любил разглядывать годами. Больше всего мне нравились снятые до удара бревна по стеклу. Испуг четы Казаниверов. Это было лучшее. Мы хранили эти картинки в алтаре нашего клуба, который был величайшей святыней нашей родины, крови, нашей почвы, свободы, первичным источником вечной молодости.

Это был символ нашего союза с Великим Кунаклястером, не просто исконным покровителем таких местных святынь, но и, как оказалось, верховным божеством во вселенной. Оставаясь при этом нашим другом. К тому же лучшим.

Эдди был первым, кто осуществил контакт с Великим Ка. И оно уполномочило его руководить и командовать нами. Но со временем Великое Ка сделалось общим источником силы для каждого из нас.

Эх, поглядеть бы на эти картинки сейчас. Когда-то они так повышали нам самосознание. Знаете, что это такое?

4. Школа жизни (ликбез) теория и практика

Я всё никак не мог понять, с какой стати Лэрри и Эдди предпочитают возиться так много именно со мной. Своей опекой они показывали мне как надо взрослеть, не лишая себя радостей детства.

Где надо говорить с напускной вежливостью и где надо грубить и драться, научили распознавать врагов и так далее.

Уже в тот самый первый день, после обеда, они явились к моим родителям с просьбой отпустить меня на прогулку. Они хотели показать мне окрестности.

– Ладно, – сказала мать. – Только вы за ним присматривайте. Он у нас диковат.

Ещё новости. До сих пор никто меня так не называл. Может быть, «дикий» как лесные звери?

Почему же они не сказали об этом по-человечески заранее, в моём присутствии? Я страшно разозлился. По крайней мере, за спиной могли бы не шушукаться!

– Не беспокойтесь, миссис Фэй! С нами он будет в безопасности, – заверил Эдди.

– Хорошо. Только держите его в поле зрения.

– Само собой.

Мои родители годами опекали меня сверх меры. Без них я даже улицу не мог перейти. Другие дети ещё играли во дворе, а меня укладывали спать в семь часов вечера. Но чем я мог ответить в таком возрасте? Вот я и не отвечал. До поры до времени.

Выйдя из дома вместе с Эдди и Лэрри, я вырвался на свободу. Можно было делать практически всё, что вздумается. Эдди и Лэрри ребята грамотные. Не трепачи, не мямли и не зануды-воспитатели. С ними мы творили массу опасных, но интересных дел.

Тем же первым вечером, отчётливо помню, мы полезли на задворки школы Блаженного Катекуса². Земля под ногами, я заметил, казалась зернистой и чёрной, потому что рядом ходили поезда на Балтимор и в Огайо. И всю землю вблизи от путей покрывала угольная зола. Плющ – единственное, что могло произрастать на такой поганой почве. Всю окрестность железной дороги заполонили заросли плюща. Отовсюду тянулись его гигантские щупальца..

Пейзаж другой планеты.

Миновав это место, мы оказались на асфальтированной площадке, оборудованной качелями. Стояли на ней и незнакомые мне механизмы – тоже для детской забавы.

Далее последовали месяцы моего обучения обращению со всей этой техникой.

И это было весело.

Плюс физкультура.

Как я уже сказал, там были качели, но была и карусель, и машины, чьих названий я не знал.

В толпе других детей мы смотрелись несколько обособленно. Но это никого не раздражало, потому что я был новым соседом, получившим от старожилков самый радушный приём.

Раз в неделю организация проводила торжественное собрание.

Мы называли себя «Член-клубом», Азалия-Сити.

У клуба был флаг с крылатым пенисом, парящим в небесах на белоснежных крыльях. У пениса имелись яички, а сам он был красный на фоне голубизны израильского флага. Наш флаг был великолепен. Может кто и смеялся, но у нас был прекрасный флаг.

И я был самым маленьким среди обитателей этого пригородного парадиза.

В том, что это «парадиз», они меня и убедили. По ряду показателей это совпадало с истиной, то есть, воздух был чист, виды красивы, а густые рощи располагали к играм. А сколько

---

² Мутный термин психоанализа, связанный с «объёмом либидо».

вокруг росло цветов и деревьев! Сколько кроликов, черепашек, хорьков и бурундуков обитало вокруг!

Меня сделали членом «Член-клуба», я посетил несколько собраний. Там было довольно скучно, ничего не происходило. Ничего было толком не сказано, мы попросту убивали время.

Какое тут к чёрту веселье? И вот, наконец, однажды запахло азартом.

Президент Эдди, двенадцати лет от роду, коснулся проблемы церквей:

– Церковь – организация репрессивная, – заявил он. – Сродни школе, полиции и клубу «Лайонс». Они хотят нас контролировать, не давая нам высказаться. Они вообще детей не любят. Они не желают нас замечать, не то, что выслушивать. Исчезни мы окончательно – их ликование не будет предела. Нас не истребляют только потому, что мы их имущество. Взрослым хотелось бы изобразить своё дремучее мироустройство «страною счастья», где пасутся стада смазливых опрятных детишек, играя в свои безобидно-безмозглые игры. Едут они так, скажем, по улице Преисподней, наблюдая как мы носимся, такие невинные на расстоянии. Издалека мы в самом деле выглядим нормально. Но стоит им копнуть глубже – по домам, по дворам, и они занервничают. Они психанут, потому что в нас они видят себя в своём собственном детстве, пока их не воспитали, обучив различать вонь и грязь, и не зариться на малолеток, возбуждая их, когда те на всё готовы. В общем, их тоже *возбудили*. Только кто их спрашивал, надо им это или нет?

– Никто! – заорали мы хором.

– Им бы только сидеть по своим ракушкам, толкуя про бизнес и биржу и о том, каким цветом выкрасить гостиную на выходных – слушай, мы тут затеяли покраску, ты бы пришёл и помог. Это ведь так интересно. Ох, как это интересно. Да. Да. Да.

Говоря это, Эдди передразнивал маляров-любителей, блистая каждым словом и жестом, в роли мима он был ослепителен.

– А в следующий вторник мы празднуем день рождение нашего Элмера. Не желаете присоединиться? – Ах, непременно. Взрослые совсем не любят детей. Потому что дети недоразвиты, не понимают религию и любят жестокие забавы на грани садизма. Мы ходим в школу от выходных до выходных, а по субботам вынуждены помогать предкам в уборке. По воскресеньям – пожалуйста в церковь. У нас нет ни единого дня на активный отдых, чтобы побыть теми, кто мы есть – детьми. Разве мы виноваты в том, что мы всё ещё дети? Отвечайте!

– Нет! – взревела толпа. – Быть ребёнком нормально!

– Если церковь так необходима, почему они сами туда ни ногой? Подвезут, высадят и приветик.

Ответом были крики одобрения и коллективное «зиг хайль».

– Церковь заодно с педсоветом, родительским комитетом, полицией, советом ветеранов, еврейством, масонством и воцерковлённым молодняком. Часть гигантского заговора против детей. Все они там одним миром мазаны, эти церковники. Ещё одна репрессивная организация в числе других. И кого же они собрались репрессировать, я вас спрашиваю?

Члены клуба разразились какофонией презрительных возгласов.

– Совершенно верно – нас. Наша детская свобода им поперёк горла. И что мы им такого сделали, не подскажите?

Слова вождя вновь потонули в ропоте одноклубников. Что мы им сделали? – саркастический вопрос был подхвачен множеством голосов.

– В том-то и дело, что ничего, – констатировал Эдди, повышая голос параллельно экстазу толпы. – Разве мы просились на этот свет?

«Никогда в жизни!» – крики, вопли, улюлюканье – «долой школы и церкви!»

– Мы определённо не виноваты в том, что родились и не умерли во младенчестве, в том, что мы развиваемся естественным путём, растрачивая избыток энергии в надругательствах и мародёрстве, круша и вытаптывая всё, что ни возникнет у нас на пути.

Ни для кого не было секретом, что Эдди оттачивал ораторское мастерство, прослушивая диски своего кумира – Адольфа Гитлера, который, в свою очередь, славился умением заводить полные залы, даже если никто не понимал, о чём он там орёт. Тем более дети.

Эдди не поленился выучить немецкий язык и мог общаться на нём свободно. Он сделал это, чтобы выяснить, о чём же говорит в своих речах Гитлер. Фюрера он просто обожал, а ведь в сущности тот был просто эффективным главарём. Что такое партия, как не большая банда? Мощней и многочисленней остальных. Но банда остаётся бандой.

И Эдди был прав.

– Но это мы и обсуждать не будем, – голос оратора делался объёмнее и громче с каждой фразой.

«Не будем и точка! Ненавидим, замордуем, убьём!» – бесновалась детвора.

– Мы ненавистны тем самым, кто выпустил нас на свет и швырнул в оскал бытия, как сказал бы Мартин Хайдеггер!

«Браво, Хайдеггер – молодец! Урра!» – единогласно возопили члены клуба.

– О, да – издалека мы кажемся невинными и добрыми. Ещё бы. Ведь они понятия не имеют, во что нам нравится играть на самом деле. А мы играем в мультисклероз, в порчу, в членовредительство с ампутацией, и прочие придуманные и одобренные нами особые виды детских игр. То и это. То да сё. В общем, они не знают, чем мы там заняты на самом деле, и для нас нежелательно, чтоб они что-то знали.

И снова Клуб реагировал единодушно, – «Правильно! Пусть не лезут! Не их это дело! Смерть пролетариату!»

– Мы имеем полное право придумывать собственные игры и распевать песни собственного сочинения, в том числе и гимны. А они навязывают нам свои программы, чтобы контролировать детское поголовье человечества по всей планете. Разве нет?

«Точно! Вырежем взрослых, пусть оставят нас в покое!»

– С этой целью они прикармливают разных коммунистов и любителей и *педа-гогов*, чтобы те подсовывали нам свои песенки и сказки – где Пит Сигер³ там и Ледбелли⁴, где братья Гримм, там и Матушка Гусыня и прочая рухлядь. Но мы-то разбираемся!

– И как только к нам подослали очередного *педа-гога*, мы уже знаем, чего этой гадине хочется на самом деле. А гадине хочется побезобразничать с малышами, потому что все они там педофилы, и никто другой!

Клуб реагировал хором: «Верно! Все они там педофилы поганые! Долой педов, долой их басни-песни, всё долой, кроме нашего фюрера Эдди, ведущего нас верной дорогой. Славься наш Эдди, родной пенис-клуб! Ура!»

– Покажите мне «воспитателя», говорю я вам, и я покажу вам растлителя. Разве нет?

Реакция Клуба: единодушие. Обстановка накалялась не на шутку. Ничего похожего я раньше не видел и не слышал. Возбуждение возрастало. Большая часть сказанного была мне непонятна, все вокруг старались перекрыть друг друга, усугубляя шум. Шум – вот что мне нравилось в этом бесновании. Всеобщее возбуждение радовало мою детскую душу.

Я был в восторге от Эдди и всей этой суматохи, сознавая себя её равноправным участником, окружённым заботой соратников, проявлявших ко мне уважение, какого ранее я не встречал нигде.

А тем временем Эдди искусно сменил риторику.

– Окей, – сказал он, стараясь говорить тише. – Предлагаю угомониться, чтобы нас не подслушали взрослые.

---

³ Исполнитель и собиратель песенного фольклора, гражданский активист.

⁴ Легенда акустического блюза, певец, гитарист, композитор, проведший много лет в тюрьме за убийство.

Сказано это было лишь для того, чтобы обрушив на нас новый шквал демагогии, довести нас до белого каления.

Повторяю, что в тот момент смысл многих слов был мне не понятен. Однако несмотря на заторможенное восприятие, в общем и целом я догадывался, о чём речь концептуально.

Копируя Гитлера, Эдди умел делать паузы, чтобы постепенно вернуться к прежнему градусу истерии.

– Нет, мы не делали ничего дурного, – негромко вымолвил он, как бы извиняясь. – Мы всего лишь команда энергичных ребят с высоким интеллектом. И не просили особых поблажек, – скромно, но с подтекстом, добавил он. – Ни разу. Нам не хватало только права тратить наши силы, как нам заблагорассудится, не так ли? Это всё, чего мы хотели, – в голосе оратора слышалась мольба.

Клуб: «Верно, Эдди, ничего другого нам не надо. И это совсем не много. Почему же нас не желают понимать наши родители? С ними что-нибудь не так? Если да, то что именно? Или это у нас что-то не в порядке?»

– Нет, с нами всё в норме. А вот они... они нас... – забормотал он, переходя на крик. Пока не заорал скороговоркой. – Обращаются с нами, словно мы какие чудовища! Да, – протянул он задумчиво. – Так оно и есть, держат нас за **монстров!**

– Вот мы им и покажем, какие мы монстры! – воскликнул Эдди, торжествуя. – Придумали «монстров» —

их они и получают. Хотели монстров – будут им монстры. Или мы кто?

– Мы монстры, Эдди! – снова хором отозвался Клуб. – Но превратили нас они. Мы хотели остаться людьми, а теперь мы – монстры. Всецело по их вине!

– Их волнует лишь конкуренция с безликим обывателем. Джонсы хотят жить как другие такие же «джонсы», чёрта с два ты их отличишь. Был бы статус. Все рехнулись на этом «статусе». Разве я не прав?

В ответном рёве детских голосов слышалось «ура» и вопли одобрения. Эдди просто гарцевал на коне. Была слышна и матерщина...

– До чего же мы – младшие не нравимся им – старшим, – повторяя уже сказанное, Эдди старался закрепить эту мысль в детских мозгах. – Они ненавидят нас за слабость, за безбожие, за нашу ненасытную жажду веселья и наш садизм. **Да, мы такие!**

Клуб: «Молодец, Эдди! В точку сказал! Давай ещё, давай.»

Но тут он снова сделал жест уgomониться, чтоб уловить ускорение ритма – от раздумий ответственного лица к воплям маньяка, тонушим в лае толпы: ненавидим, ненавидим, ненавидим!

А ненавидели мы в точности по признакам, которые перечислил нам Эдди.

– Разрешите задать вам самый простой вопрос, – он снова понизил голос. – Совсем лёгкий. Не для проверки вашей сообразительности, а чтобы показать, что с нами происходит. Ответ на него известен каждому, только ни один взрослый человек не заинтересован в том, чтобы его узнали мы. Что такого хорошего а получении хороших отметок при отсутствии развлечений? И с какой это стати наши недруги требуют одного, лишая нас другого? Лично мне это непонятно. А вам? Что хорошего в учёбе на «отлично» без развлечений?

Клуб: «Ни-че-го! Ни-че-го! Долой всё, долой!» Помимо реплик, часть аудитории выражала свою неприязнь шипением.

– И что хорошего в церковных посиделках, где жирный поп внушает нам – детям, что мы – воплощение всех зол и хуже нас нет никого на свете? Выходит, злодеи не большие, а маленькие. Малыши с нашими, гал-гал, импульсивными порывами. Мы плохие, потому что мы такие. Но позвольте, ведь такими нас мама родила. Не мы придумали эти свойства. Это наследственность. И если родителям неуютно, чтобы она воплотилась в детях, тогда не надо было им нас рожать!

– Вот они и виноваты. А не мы. От инстинктов не уйдёшь. Они от нас неотделимы. Что хорошего в литературе? – Ничего! А в грамматике? – Ничего! В арифметике? – Ничего! Долой все предметы! Чем хорошо вести себя прилично? – Ничем! Не раскачивай лодку? Не громи горсовет? – Чёрта с два! Всё долой!

Клуб: «Так и надо, *Sieg Heil!*»

– Обязательно надо основать свою церковь, ту, где нам будет весело, и пора завести своих собственных богов!

Клуб: «Верно! Пора, *Sieg Heil!*»

Надо отметить, что для религиозных нужд у нас уже был пантеон Кунаклястера, но в тот момент, под гипнозом оратора, мы о нём как-то забыли.

– И какие будут номинации?

– Тор! – тотчас раздался крик.

Но как оказалось никто этого Тора знать не знал.

– Юпитер! – заорал кто-то из толпы.

Но и Юпитера знали столько же.

– Как насчёт Томаса Дьюи?

– Неплохо, неплохо. Попробую разузнать у республиканцев в Силвер-Спринге.

– Гитлера! – рявкнул один из нас.

– Вот это уже кое-что, – поддержал Эдди. – А то какой-то Дьюи. Наши «бундовцы» умели повеселиться*.

И тут кто-то выдвинул наиболее интересную кандидатуру.

– А чем не подходит Дьявол? Ну тот, что Сатана.

– А это ещё кто? – насторожились самые тёмные.

– Я его вижу в комиксах про Капитана Марвелла. Время от времени появляется, – подсказал один малыш.

– На самом деле это Дракула, – поправил его другой.

– Неужели он?

– Он, – подтвердил Эдди. – Может кого ещё?

Соратники приумолкли, перебирая в памяти другие кандидатуры.

– С этим парнем надо разобраться, – предупредил Эдди. – Не хочу, чтобы Клубу достался неподходящий бог.

– Неужели такое возможно? – насторожился один малыш.

– Суть проблемы, – вымолвил Эдди, в очередной раз озадачивая слушателей, – в *единобожии*. Кое-кто полагает, что бог всего один.

– Как это скучно! – воскликнул какой-то мальчик.

– Да уж, с одним не разгуляешься, – заметил ещё один.

Речь идёт о «бунде», союзе американских немцев.

– При едином боге никто не станет враждовать и воевать, – добавил кто-то ещё.

– Ага, – впервые прозвучал голос *Мозга*, клубного разума. Он всегда высказывался под занавес дискуссий, чей ход не вызывал у него интереса. Наступила мёртвая тишина. В словах Мозга, что бы он ни изрёк, не было никакого смысла, но звучали они великолепно, и как правило чертовски остроумно.

– Ага, – повторил наш Мозг, чьё настоящее имя было *Агония Блох*. – Онтологический монизм. Всякая вещь в единственном экземпляре. Если эта штука действительно функционирует, тогда любые наши аргументы и жесты иллюзорны. А посему я рекомендую куда более интересный дуализм. Тоже онтологический.

– Ура онтологическому дуализму! – тотчас загалдела клубная братва. – Долой онтологический монизм, фу, бэ-э!

– Итак, мы имеем онтологический дуализм, – продолжил Мозг. – Что означает – многобожие. Пока мы его имеем, отпадает вариант, когда новый бог окажется тем же самым Яхве – наставником наших предков, только под другим именем. Яхве в камуфляже. Для кого-то у всех богов одно лицо. Но имена у них разные.

– Верно, – одобрил Эдди. – Хватит с нас боженки взрослых, принимающего заказы от педагогов и предков. Нам не нужен бог, который командует в храмах, поддерживая наше невыносимое статус-кво. И мы не хотим нарваться на очередное Сверх-Я, не зная потом, куда от него избавиться.

Клуб: «Долой Яхве! Долой Сверх-Я и статус-кво!»

– Нам нужен сильный бог, который любит детей. Такой бог займёт нашу сторону и будет нам помогать.

Клуб ходил ходуном от восторга и оптимизма. Долго ещё не смолкало «ура», вперемежку с бессвязными воплями и визгом.

А неделю спустя мы собрались снова.

– Эта встреча пройдёт упорядоченно, – предупредил наш вожатый Эдди. – Может быть, кто-то желает послушать стенограмму прошлого заседания?

– Нет, ну её, – грянули малыши.

– Отлично, тогда предлагаю заслушать отчёт исполкома по *сатановедению*.

Визги, вопли, крики «ура».

– Тогда на трибуну приглашается Агония Блох – мозг нашего клуба, проделавший большую часть исследовательской работы.

«Ура!»

В президиум протиснулся Агония Блох. При его появлении многие зажали нос, потому что он никогда не мылся.

– Добрый день, уважаемые одноклубники.

Ответом стало ещё одно гнусавое «ура». Мозг говорил непонятно, потому что он действительно знал больше нас. Ему были известны важные научные термины. Он выписывал журнал «Американский учёный» и держал небольшую химическую лабораторию. Своё прозвище он заработал постоянной депрессией, чью причину никто из нас не мог определить. Он пребывал в перманентной хандре и говорил писклявым тоном. К тому же с английским акцентом, повизгивая. Но в эрудиции ему не откажешь. Он показывал химические опыты и делал нам бомбочки. Внешне его взрывчатка не отличалась от простой водички, но только первые пятнадцать минут. Далее там, где она была пролита, следовали взрыв и возгорание. Мы наделали немало дел с помощью этой химии.

Мозги уверял, что может изготовить атомную бомбу, если мы оплатим материалы. Мы не возражали, прикидывая, где бы раздобыть денег на одну, но большую.

– Приступаю к докладу, – пропищал Мозг. – Первым делом мы подняли архивы комикса «Капитан Марвел». Перелопатили немало, доложу я вам. Пятьдесят пять изданий от сорок второго до сорок восьмого. В этом промежутке увидели свет важнейшие выпуски. Их контролировал Си Си Бэк⁵, откуда издательством «Фосетт» не овладела Ассоциация родителей и педагогов⁶.

– Так, так! Очень интересно!

– Лучшего источника просто нет, к тому же, я полагаю, вам известно, что комиксы про «Капитана Марвела» имеют, скажем так, эзотерическую окраску? И главным героем ряда эпизодов выступает как раз Сатана. Мы их тут разложили. Желающие могут ознакомиться воочию.

---

⁵ Си Си Бэк – американский художник-карикурист – создатель «Капитана Марвела» – соперника «Капитана Наци», на стороне которого были симпатии заметной части сверстников Джона Фэй.

⁶ Реальный орган, которому Том Ти Холл посвятил культовую песню-памфлет *Harper Valley PTA*.

– Здорово! – загалдела детвора.

– Кроме того, в библиотечной картотеке мы обнаружили множество работ в разделе «Са..

– Ага! – крикнул один малыш. – А нельзя ли узнать, кто это «мы»?

Мы любили поддразнивать Мозга. Но и ему это нравилось.

– Ах, да, конечно. Если это так важно, я ходил туда один. Желающих помочь как всегда не нашлось, и мне иногда самому непонятно, зачем я хожу на собрания такого клуба.

– Мы и сами не знаем, Мозг, зачем ты сюда ходишь, – вякнула ещё одна козявка.

– Не знаете и слава богу, – парировал Мозг. – Не будем останавливаться. Я также выписал немало цитат о Сатане и хотел бы суммировать мои находки.

– Давай, суммируй! – оживился клуб.

– На самом деле сказано немного, – предупредил Мозг. – Уж больно тёмная это тема.

Тут на него снова зашикали, дескать – выкладывай всё как есть, не то обструкцию устроим.

– Честное слово, та в самом деле не так мно..., – попробовал он улизнуть.

– Заткнись и рассказывай! – вмешался кто-то ещё.

Мы дружно подбежали к помосту и сперва расхватили комиксы, а затем принялись хором облаивать Мозга. Операция была запланирована заранее. Мы припасли несколько кусков мыла и тряпки. Подхватив Мозга, мы отволокли его к ручью, раздели и как следует отмыли. А затем президент Эдди прочитал ему мораль:

– Видишь ли, Мозг, у нашего клуба уже есть божество, и зовут его *Великий Куна-клястер*. Как только ты научишься мыться и перестанешь вонять, мы посвятим тебя в его мистерии. Как достойного члена. Но о каком достоинстве можно говорить, пока ты так воняешь?

Мозг выкрикивал математические формулы и тайные мантры индусов. Но, как мне показалось, всё это ему нравилось, ведь он оказался в центре внимания.

Значит, мы его оголили и подвели к ручью. А там, надо сказать, водилась всякая бяка. И пахло оттуда похуже, чем от Мозга. Хотя, конечно, всё это было розыгрышем. Ведь Мозг не просто вонючка, а к тому же ещё и тюфяк. Стоит нам затеять игру, он злится, орёт и визжит.

И вообще он атеист.

На самом деле ни во что не верует.

За это ему так часто и достаётся.

Поэтому вся эта тема Сатаны и церкви, плюс речи недельной давности, были ничем иным, как ловушкой для Мозга. Чья цель – вразумление безбожника.

Как ещё мы могли поступить?

5. Псалмы

Одним из самых странных увлечений моих малолетних соседей были *песнопения*.

Они показали мне как это делается, и я посвятил много времени этому занятию вместе с ними, не подозревая об оккультной подоплёке подобных практик. Меня никто не предупредил.

По крайней мере, сразу.

Таким образом, пока другие дети на близлежащих землях сражались в бейсбол, футбол и прочие пошлые и глупые игры, мы старательно, порознь или хором, голосили:

*Канталеввер канталеввер
Кунаклястер кунаклястер
Кантабринген кантабринген
Гумилятор гумилятор
Вест виргиния вест Виргиния
Канцелятор канцелятор
Гемаглобин гемаглобин
Тойфелькиндер тойфелькиндер
Киндертостер киндертостер*

А самым важным волшебным словом было:

Кельвинатор, Кельвинатор, Кельвинатор

Эдди утверждал, что важнее него только сам Кунаклястер. И не только для кричалок, а при любой опасности – произнеси и оно поможет. Так же, как:

*Сатанама сатанама сатанама
Сатанама сатанама сатанама*

Звучало смешно и казалось безобидно. Я повторял их постоянно, не понимая ни немецкий, ни санскрит. Я вообще не знал, на каком языке я пою.

Я пытался разучить с ними песнопение, подхваченное мною в Гетто:

*Ашкенази ашкенази
Ашкенази ашкенази.*

Но им не понравилось, потому что слова звучали чересчур по-еврейски, а это никуда не годилось, так сказали мне они.

Так и пролетело лето сорок пятого за распеванием псалмов хором и в одиночку. Быть одному нехорошо, даже опасно. В основном из-за педофилов. Но пока мы поём, сказал нам Эдди, педофилы нас не тронут.

Они и не трогали.

Важно, чтобы другие повторяли волшебные слова, пока ты один. Помня об этом, мы не страдали от одиночества, делая вещи, которые принято делать одному. Ведь мы были не одиноки. Нас объединяло Большое Ка. Все мы находились под его эгидой. В действительности, мы находились где-то ещё, и координаты этого места были тайной. Когда-нибудь, повзрослев, мы узнаем об этом «где-то» ещё больше, путём посвящения в дхарму, и нам откроются настоящие мантры типа «биджа», и каждый из нас выяснит свою истинную половую принадлежность.

Так мы и пели постоянно. Когда поёшь, время проходит быстрее. И я всегда чувствовал себя хорошо, занимаясь этим с кем-то ещё или самостоятельно.

Я спрашивал Эдди, откуда взялись эти напевы. Он знал ответы на все важнейшие вопросы. Даже на те, которые мог прояснить разве что *Сатмарский Ребе*. Эдди рассказывал, что все арийцы поют от сотворения мира то, чему научил жителей Долины Слайго Ривер Великий Ка – покровитель нашей *прародины*. В дальнейшем он поделился знанием с другими народами, жаждавшими к ним приобщиться. Вокруг было полно самозванцев. Существа породы «крелль» выдавали себя за людей. Злобные твари, которые на самом деле были покрыты зелёной чешуёй, и подобно рептилиям имели жабры, хвосты и щупальца. Когда-нибудь Великий Ка воплотится и освободит нас от гнёта этих гнусных тварей типа «Крелль». Он произнесёт двойное заклинание, от которого эти якобы белые тут же позеленеют. Тогда-то мы и приступим к осуществлению «программы». С её помощью все злые существа окажутся либо истреблены, либо изгнаны.

Но однажды, средь бела дня, пока чёрные собирали хлопок для продажи в торговых точках Верхнего Мальборо, а мы – беленькие, драили пирамиды на берегах священной реки, солнце взяло и...

Погасло.

Подняв голову, я увидел надо мной огромную тёмную тучу.

Она закрывала солнце как саван покойника.

И так же внезапно температура подскочила градусов на двадцать, а меня охватил некий экстаз. И не меня одного. Остальные чистильщики пирамид вели себя также. Они застыли с разинутыми ртами, выкатив глаза, и смотрели в вышину. Некий транс парализовал всех поголовно – и чёрных, и белых. И всем, похоже, нравилось их состояние. Только не мне. Потому что я не мог пошевелиться.

Было очень страшно.

А потом все дети заголосили новое песнопение, которому их никто не обучал. Нечто совсем новое. Вначале оно звучало совсем тихо и медленно:

*Адольф Гитлер Адольф Гитлер
Герман Геринг, Герман Геринг
Йозеф Геббельс, Йозеф Геббельс
Адольф Гитлер, Адольф Гитлер*

Затем в тексте кое-что изменилось. К именам известных нацистов добавились еврейские:

*Финкельштейн, Финкельштейн
Кальтенбрунер, Кальтенбрунер*

И т. д.

И ровно в полдень все поющие дружно обернулись, подняв правую руку, и указали на меня, не переставая петь, перемежая еврейские фамилии с немецкими. В тот день я услышал новое слово:

Рассенкранкхайт, рассенкранкхайт

И наконец пошли слова волшебной силы:

*Кельвинатор кельвинатор
Кельвинатор кельвинатор*

*Кунаклястер Кунаклястер
Кунаклястер кунаклястер
Ом Шри Адольф Гитлерайя Нама*

Я обнаружил, что снова могу двигаться, хотя остальные дети, застыв неподвижно, продолжали петь. От страха я убежал в Чёрный Лес на той стороне большой реки Слайго, где обитало скрытное кошачье племя.

Мне очень не понравилось, как те детишки вдруг уставились и стали тыкать в меня пальцем, не прерывая песнопений. Причина такого поведения была мне неясна. Поэтому я провёл в лесу около часа, умоляя Кунаклястера раз и навсегда положить конец этим жутким напевам.

Когда я наконец осмелился выйти из леса, саван в небе пропал, и песнопение вернулось в привычное русло англогерманской околесицы:

*Эвинрудер эвинрудер
Катманду Катманду
Ментолатум ментолатум
Коммунизм коммунизм
Вашингтон Пост Вашингтон Пост
Соцаптека соцаптека
Всем обедать всем обедать
За стол все за стол*

Итак, облако испарилось, а вместе с ним и зловещие напевы и внушаемый ими страх. Внешне всё приняло прежний вид. Но воспринималось иначе. Потому что стало другим. Что-то вокруг *успело* измениться.

И я был полон решимости выслушать версию Эдди уже на другой день:

– А вот и ты, Берг, – встретил меня вождь. – Молодец, что зашёл. Так и думал, что ты появишься.

– В самом деле? – удивился я. – Это почему?

– Потому что мне хотелось с тобой поговорить.

– Со мной?

– Да, с тобой, Берг. Слышал я, будто тебя заштормило посреди вчерашней медитации, это правда?

– Это когда по небу раскинулся чёрный саван, и все поющие стали тыкать в меня пальцем?

– Именно, Берг. Вот об этом я и хотел поговорить с тобой, потому что это очень важно.

– Понимаю, Эдди.

– Видишь ли, Берг, наши медитации в виде массовой одержимости играют большую роль. И впереди их будет очень много. Теперь, когда закончилась война, проигранная Гитлером, но, и это особенно важно, только на внешнем уровне.

– Стало быть, – продолжил он. – Завершить начатое *Им* великое дело предстоит не кому-то ещё, а нам. Теперь наш черёд.

– А я?

– Тебе не о чем волноваться, Берг. Ты всё ещё слишком мал, чтобы понимать такие вещи полностью. Мы обязательно повысим твою касту перед ближайшим холокостом, *Госвами* всё устроит.

– Извини, Эдди, но я совсем не понимаю, о чём ты сейчас сказал.

– Не переживай, это нормально. Со временем подрастёшь и поймёшь. Вчера ты удрал с испытания небесным саваном, потому что сдали детские нервы. В другой раз, при появлении

облака, держи свой страх под контролем. И не бегай ты ни в какие кусты и леса, ради бога. Пройдя вчерашний тест без испуга, ты бы значительно приблизил момент твоей **инициации**. Нам всем немного страшно, когда солнце заслоняет эта чёрная попона. Не куксись. В конце концов, ты привыкнешь и перестанешь бояться. Ведь это всего-навсего тест.

– Ай да тест, – усомнился я. – И что же им тестируют?

– А вот этого, Берг, я тебе пока не скажу. Когда-нибудь – обязательно, а пока – нет. Запомни одно: облако-саван не только проверяет, но и учит.

– Верю, Эдди. Только чему именно оно меня учит?

– Всему, что пригодится тебе в дальнейшем. Чему угодно. Чему не учат в школе, хотя навыки и знания транслируемые саваном гораздо важнее. Их поглощение протекает бессимптомно, ты ничего не чувствуешь. Оно внушает без слов. Молча. Во время этих сеансов происходит трансмутация Гнозиса в глубины твоего реального «я», о котором ты и сам не имеешь чётких представлений. Однако оно, вернее, ты, Берг, находится именно там. И когда-нибудь оно выйдет на связь. Но до этой встречи тебе надо дорасти

– Ой...

– Его зовут **Атман**. Атман Арийский.

– Какой ещё Атман Арийский, Эдди?

– Твой, Берг. Твоя истинная внутренняя сущность.

– Постой, постой. Кажется, я начинаю понимать, кого ты имел в виду – моего *Наблюдателя*.

– Умница. Таким он упомянут в поздних Упанишадах: *Дозорный там, где нет никого, кроме него*. Педагоги нас этому не учат, потому что сами они маловеры, отступники, перверты, атеисты, коммунисты, родители и активисты – нечестивые взрослые люди, предали свою веру и свою родину – нашу долину волшебства.

– Даже так?

– И никак иначе. Содеяв это, они отреклись от собственной подлинной сути, потому что все они – атманы-арианы, сотворены Великим Кунаклястером по образу и подобию, творцом всех нас и этой сказочной долины, в которой он поселил созданный им, святой народ, то есть – НАС.

– Вау! – что ещё оставалось мне сказать?

– Ты ведь заметил, Берг, – продолжил Эдди. – Что взрослые, и в особенности педагоги, не хотят, чтобы мы знали правду. Сами в неё не верят, и другим не дают разобраться, кто они есть на самом деле. Они хотят, чтобы каждый из нас был кем угодно, только не самим собой. Чем-то вроде разборной игрушки.

– А зачем это им?

– Все полубоги были созданы Кунаклястером.

– А что такое «полубог»?

– Все, о ком ты слышал. У джайнистов имеется Джайна. У буддистов имеется Будда. Мусульманин, тот боготворит своего Магомета. А для индусов главный божок Брамин.

– Ух ты! Теперь понятно. Раньше я этого не знал.

– Едем дальше, – кивнул Эдди. – Великий Кунаклястер творец всего сущего. Им создана наша Долина. Он создал нас. Он создал эту планету, и вселенную, и всё, что в ней находится. И тебя, и меня, и Валгаллу.

– Валгалла, это где? – спросил я.

– Валгалла – это рай на земле, Берг. После победы в Армагеддоне Великий Кунаклястер станет царствовать здесь над нами отныне и вовеки веков. Разве это не чудесно?

От возбуждения мы пустились в пляс.

– Скоро, очень скоро, Берг и Эдди, наступит радостный день, когда мы с криками «ура», объединимся в нашей Валгалле, где не переводятся рыба и дичь. Наконец-то мы сможем быть

самими собой, насилуя, убивая и мародёрствуя, кастрируя и потроша, истязая и ампутирова. И весь секс, все гамбургеры и любое мороженое с газировкой достанутся нам, и все виды яств, какие только мы пожелаем. И кроме нас – людей как надо – здесь никого не будет, а чешуйчатые арийцы-притворники и монстры типа «Крелль» отправятся обратно туда, откуда прибыли – в космос и преисподнюю.

После этих слов были пропеты «Хорст Вессель» и «Германия превыше всего» – любимые песни нашего клуба.

Покончив с пением, Эдди уселся за стол и сказал, что хочет мне немного почитать. Я не возражал.

Тогда он достал увесистый фолиант, и начал:

– Так написано в этой книге, Берг. Мы не сами это придумали, это правда – раса людей арийского рода появилась не где-нибудь, а в долине реки Слайго. Они называют себя арийцами, исповедуют веру в Арийский путь (арийскую дхарму). Это санскрит, Берг. Ты ведь уже немного понимаешь этот язык с моей подачи, не так ли?

– Так точно, Эдди. Очень чёткий язык.

– Что есть, то есть, Берг. Только на нём стопроцентно ясно и верно сформулированы наши идеи, описаны наши представления. Нет языка чище. Санскрит – язык общения древних арийцев.

– Ага...

– Они обладали самой первой и единственно верной религией в мире. Вели арийский образ жизни, как я тебе уже говорил. Недаром Будда Гаутама называл свои истины арийскими ещё в шестом веке до нашей эры.

– Ну и ну, – удивился я. – А в школе и в ашраме его изображают совсем иначе.

– Ещё бы, Берг. Дело в том, что нашим наставникам невыгодно, чтобы мы знали правду.

– Чем не выгодно?

– Когда-нибудь сам узнаешь, Берг. Всеми своё время. А пока запоминай, что я говорю тебе, иначе ты не сможешь понять расовую теорию. Терпение, Берг, договорились?

– Обещаю, – ответил я.

– А теперь, Берг, ты узнаешь, зачем я вызвал тебя сегодня. Только не волнуйся – бояться тебе нечего.

– Не буду, – кивнул я в ответ.

– Слушай меня внимательно, я хочу, чтобы ты запомнил то, что услышишь.

– Слушаю.

– Дело в том, что облачный саван не только заслоняет солнце, он делает тебя чище.

– Как ванна?

– Правильно, воображаешь, Берг. Что-то вроде ванны. А ты ведь не боишься купаться?

– Нет. Не боюсь.

– Значит, у тебя нет оснований пугаться и савана и его чар. Он вымывает из тебя всё еврейское, страхуя от очередного холокоста.

– А что такое, этот *холокост*, Эдди?

– Поймёшь, когда узнаешь про предыдущий. Который только что закончился. Я покажу тебе красивые картинки. Не переживай. Как только напечатают, сразу и покажу. Мы вообще собираемся открыть музей холокоста в новом помещении нашего клуба. Там и алтарь будет. Тебе понравится, Берг, вот увидишь. Штука весёлая.

– Правда?

– Естественно, Берг, всё по-настоящему. О том, как это случится, Великий Кунаклястер поведал мне лично, проинструктировав подробнейшим образом. Как только он предстанет перед нами в своём истинном виде, во всей своей красе и мощи, восторжествует *Einheit* — полное единение, и на земле останется никого, кроме таких как мы с тобой, хороших людей. Они называют это манихейством или двоякостью, но это не более чем скверное определение прекрасных вещей. Наступит день, и мы сольёмся в единое целое, мы будем *вместе*. Объяснял ли я тебе, что такое *вместность*, кажется, объяснял, ты не помнишь, Берг? И про *Gemutlichkeit* (комфортность) – чувство семьи единой, по-моему, тоже что-то говорил.

– Говорил, говорил.

– Итак, когда наступит день нашего единения, мы наконец познаем истинное счастье и свободу, которым не будет ни конца, ни края.

– С ума сойти!

– И это ещё не всё, Берг. Далеко не всё.

– Неужели?

– Ни в коем случае. Это вообще не конец, а только начало. Когда Кунаклястер придёт в этот мир, изменив его полностью, он осчастливит всех его обитателей. Довольны будут все и всегда, потому что **Ка** очистит почву и всё, что в ней находится. Страданиям любого рода наступит конец. А верующих ожидают покой и счастье ныне и присно и во веки веков, аминь.

– Ты не шутишь?

– Шутки здесь неуместны, Берг. Всё будет бесплатно. Захотел приодеться – костюм возникнет перед тобою из воздуха. Ты ещё и сам не решил, чего тебе не хватает, а оно уже тут как тут. Проголодался – твои любимые лакомства смотрят на тебя. Можешь съесть сколько влезет – всё равно не растолстеешь. Потому что продукты, дарованные Кунаклястером, настоящие. Нет пищи натуральнее. Она питательна настолько, что даже если тебе не захочется добавки, ты подкрепишься с одного раза и будешь сыт ныне и присно вовеки веков, аминь. Любишь стейки? – Они будут из правильной телятины, достойной браминов Хиндустана.

– А как насчёт жареной картошки?

– Будет и картошка. Сколько захочешь, и прожаренная как надо. Такой ещё не пробовал ни ты, ни кто-либо другой, потому что её нигде нет. Это будет *платонический картофель фри*. И ты сможешь объедаться ею до бесконечности, пока не наступит..., – тут Эдди ввернул слово, которое я не смог разобрать.

– Неужели всё так и будет? Просто не верится, насколько всё это хорошо.

– Не сомневайся, Берг. Всё так и будет, – перебил меня Эдди. – Ведь ты мне веришь? – повторил он дважды.

– Конечно, верю. Но это такая фантастика.

– Нет, Берг, это не фантастика. Я лично общался с Кунаклястером и он угощал меня газировкой с таким вишнёвым сиропом, какой я в жизни не пивал, да и ванильное мороженое было ей под стать. Заметив моё изумление, Он обещал мне, что у всей газировки будет такой же вкус вовеки веков, аминь. И он не обманул меня, Берг. У той, что я постоянно пью в Шепард-парке вкус точно такой же, как у той, что он изготовил у меня на глазах. Я мог бы питаться одной газировкой, веришь, Берг? С какой стати мне рассказывать небылицы про чудеса *Клястерлянда*, если всё это неправда? Скажи на милость, разве я похож на сумасшедшего, Берг?

– Нисколько, – заверил я его. – Только псих способен выдумать такое из головы.

– Стало быть, всё сказанное мною правда. Правильно, Берг?

– Правильно, – подтвердил я громко и одобрительно. И тогда он перешёл к голым девчонкам.

– Нежные бризы овевают блаженный Клястерлянд ароматами благовоний, и повсюду, куда ни загляни, они – голые девочки.

– Голые девчонки?

– Верно, Берг. Прекрасней тех, кого ты видел.

– А я ни разу не видел голых девчонок. Честно.

– Но ты бы хотел, не так ли? – подмигнул он мне заговорщицки.

– Ну, не то чтобы просто посмотреть. А вот если бы потрогать, поиграть с ними, то да сё...

– Правильно, Берг. Понимаю, о чём ты. Мне ли не знать. А я, поверь, знаю всё. Всем нам хочется делать то же самое.

– Всем нам?

– Конечно, Берг. Это так естественно. Все мальчики хотят играть с девочками. Все.

– А в церкви говорили не так. Там говорили, что только плохие мальчики хотят, ну там.

– Да знаю я, о чём они говорят в своей церкви. Там тебе и не такое расскажут. Потому мы с братом Лэрри туда и не ходим. Там одно враньё. В том, что тебя тянет к девочкам, нет ничего позорного, Берг. Это естественно, пойми. Всё нормально.

– Неужели, Эдди? С этим трудно свыкнуться после того, что они мне там внушали.

– Пусть этот грязный трюк останется на совести церковников, Берг, если, конечно, она у них есть. Поверь, с тобою всё в порядке. Ты не злодей и не извращенец. Такие же вещи привлекают каждого.

– Тогда зачем они мне лгут, Эдди? Мне всегда потом так ужасно от этих внушений.

– Церковь построена на лжи, сделана из вранья, и внутри неё звучит только ложь. Её задача не давать человеку веселиться. А по какой причине, этого не смогу объяснить тебе даже я. Они либо ненормальные, либо просто гады. Одно знаю точно – детей они ненавидят.

– Нас – детей? За что?

– Потому что они опасаются собственных страстей и побуждений. А мы – нет. Они это видят и за это они готовы нас убить. За то, что носят и не могут искоренить в себе.

– Как же всё это запутано, Эдди. Обещаю над этим поразмыслить, но не уверен, что смогу разобраться до конца.

– Честно говоря, я и сам не могу, Берг. Чтобы понять, почему сумасшедший так глуп и зол, требуется время.

– Ну и нудятина, – ввернул я словцо, которому научил меня Эдди.

– Нудятина и есть, Берг. Не то слово. Только ты ей не поддавайся. *Большое Ка* смотрит на вещи иначе.

– Иначе?

– Конечно. Ему нравится, когда дети резвятся. Он совсем не фарисей. Помнишь, я говорил тебе про голых девочек Клястерлянда? Ты можешь с ними делать что захочешь. И это, когда церковь зажимает тебя где только может. Поразмысли над этим.

Меня чрезвычайно манила перспектива игр с голыми девочками. Я полюбил этот процесс заочно. Также, как и арийское мороженое. Но девочки были интереснее.

Остаток того дня я провёл, автоматически настраивая себя против клерикалов. Описание чудес Клястерлянда капитально подзарядило мой энтузиазм. Эта идея импонировала мне всё больше. Плюс голые девочки. Чтобы их потрогать, я был готов на что угодно. Кроме шуток.

– Нет, Берг, ты не представляешь, какой это волшебный край. Ведь драгоценности растут там прямо на деревьях. Захотел бриллиант – протянул руку и сорвал. Бери, сколько тебе надо. А какие лотосы цветут там повсеместно! Далеко видать, как сияют они колдовским переливом синего с зелёным неопишуемой красоты. Эти лучезарные бутоны обеспечивают светом всю страну. И никто там не знает, что такое «ночь» или «зима». Потому что наряду с другими камешками изумруды светят круглосуточно. А шоссе и улицы заасфальтированы чистым золотом. И сияние оттуда озаряет всё человечество беспредельно. Разве это не сказка, Берг?

– Да, Эдди, да! – запрыгал я от возбуждения. – Вот бы туда попасть!

Золото, бриллианты и прочее – это, конечно, здорово. Но меня волновали голые девочки. О них я думал в первую очередь. Другие могли думать о чём-нибудь другом, но я думал только о них.

– Таким образом, Берг, стоит тебе подумать о Кунаклястере или произнести нараспев это славное имя, и ты будешь подключён к его интеллекту, чьё совершенство неколебимо. Иными словами, твой мозг заработает в унисон с высшим разумом. Разве это не чудесно, Берг?

Живописуемую идиллию исказили змеиные конвульсии либидо. Пускай другие вместе с Эдди мечтают о мороженом с газировкой, только мне этого мало.

– Отныне, Берг, ты всегда будешь помнить верные слова и суть вещей, то есть их истинную природу. Нужные слова найдут тебя сами, как только в них возникнет потребность. Не волнуйся, Берг, они поселились в тебе навсегда.

– Эдди, это бомба. Даже не знаю, как тебя отблагодарить. Ты столько для меня сделал, столько мне всего открыл.

– Я только хочу, чтобы ты пел, постоянно пел ради меня, ради себя, за весь наш арийский род. Больше ничего не требуется, Берг. Что бы ни случилось, не обращай внимания и пой. Обещаешь, Берг?

– Замётано, Эдди. Песнопения не смолкнут.

– Несмотря ни на что?

– Что бы ни случилось. Я буду петь как ни в чём не бывало.

– До бесконечности, Берг?

– До бесконечности, чтобы ни случилось, несмотря ни на что, Эдди, клянусь!

– Хорошо, Берг. Только ты не забывай, всегда помни, что я хочу, чтобы ты находился вместе со всем отрядом в нашем великом единении, когда оно наступит. Чтобы ты был с нами, когда мы, все как один, шагнём на очищенную землю, когда придёт Кунаклястер и установит своё Царство, всё вокруг изменив в лучшую сторону окончательно и бесповоротно, как и было задумано.

– Боже мой, Эдди, как же я хотел, чтобы со мной когда-нибудь случилось такое. Чтобы я тоже мог с ним познакомиться, как ты.

– Так и будет, Берг, так и будет. Повторяй наши мантры, и он обязательно явится и поговорит с тобой тоже.

– А как же он выглядит, Эдди? – спросил я, мне было интересно.

– Дело в том, Берг, что это не «он» и не «она» в человеческом смысле.

– Вот как? А ты мне его всё-таки опиши!

– Ну, как я уже говорил, это нечто большее, чем лицо определённого пола. И это не изображение, не говорящая картина как в кино. Это как то, что мы только чувствуем, когда смотрим такие фильмы, где... – задумался он в поисках понятного сравнения. Затем после долгой паузы продолжил:

– Я попробую тебе описать, но не уверен, что у меня получится. Иносказательно, с помощью символов. Представь себе жаркий летний день. Ты берёшь велосипед, я знаю, у тебя его пока нет, но тебе его скоро купят. И несёшься на нём далеко-далеко, впрочем, какая разница, идёшь туда же пешком. Солнце печёт немилосердно, а ты всё идёшь и идёшь по жаре куда-то в сельскую местность. Домов на твоём пути становится всё меньше, прохожие попадают всё реже, а на смену цементу и асфальту под ногами скрипит гравий, затем пылится грунтовая дорога и, наконец, песок. Да, песок. И ты, верхом на велике, или на своих двоих, сворачиваешь туда и медленно движешься по песчаной дороге. По бокам шумят листвой громадные деревья, образуя туннель, но тебе приятно в создаваемой ими прохладной тени. Тебе уже не жарко, но теперь тебя мучит жажда. Жесточайшая жажда.

Но ты не знаешь, где найти воду или колу, ты просто остановился и стоишь, размышляя, где её тут раздобыть, а стоишь ты возле старого амбара с дырявыми стенами и крышей, которые никто не ремонтировал много лет, и тебе жаль заброшенную развалину. Тебе ведь жаль её, Берг?

– Ещё как. Я сейчас заплачу.

– Молодчина, – одобрил Эдди. – Никому до неё нет дела, никто о ней не вспоминает, а она стоит тут одна-одинёшенька, словно ещё живое существо, которое все давно похоронили.

– А это ещё печальней. Хорошо, что живых домов не бывает, иначе их страдания были бы нестерпимы, ведь они не могут позвать на помощь.

– Верно, – поддержал меня Эдди. – А теперь представим, что оно всё-таки живёт и, несмотря на людское равнодушие, чувствует себя отлично.

– Разве такое возможно?

– Возможно, если у тебя есть секрет, неизвестный другим. Дело в том, что на той самой стене, под которой ты отдыхаешь, томимый жаждой, сохранился едва заметный магический знак. Его краски полиняли, но их по-прежнему много.

– Ну и что?

– А то, что это и есть Великий Кунаклястер. И это не выдумка, а то, что случилось конкретно со мной. Я мечтал о воде, когда ко мне обратился символ на стене.

– И?

– Он заговорил со мною, Берг. Так и спросил: *ты хочешь пить, малыш?* В ответ на мой испуганный взгляд его орнамент сложился в улыбку. Тебе ведь известно, сколько разных кружочков, завитушек, слезинок, крапинок и шипов рисуют на знаках такого рода?

– Ну?

– Ну и затянуло меня в сферу этого знака. То есть, сначала он меня гипнотизировал, погружая в транс, как это было под небесным саваном. Ты ведь тоже тогда побывал в транс, верно?

– Побывал, но очень испугался.

– Усталость и жажда заставили меня забыть про страх. Едва расслышав слово «пить», я сразу, не успев подумать, подтвердил: конечно, я хочу пить. То есть, Берг, я просто не успел ощутить испуг.

– Понимаю тебя, Эдди. И что же было дальше?

– Внезапно я очутился внутри изображения, кругами падая вниз, но мне было не страшно, потому что Кунаклястер успокаивал меня, повторяя: не надо бояться, малыш, тебя никто не обидит. Побудь здесь немного, и я угощу тебя газировкой с мороженым. Разве не здорово?

– Ещё как! – не будь я знаком с Эдди получше, я бы решил, что он выдумывает.

– Голос у него был приятный и тёплый, – продолжал Эдди. – Владелец такого голоса не способен причинить вред. Затем внезапно я очутился в просторном драгсторе, где было свежо и прохладно. Ко мне подошёл человек в белой униформе продавца, и он спросил у меня голосом Кунаклястера: *тебе с каким сиропом, Эдди?* Ты понял, Берг – он знал моё имя! Вот сюрприз! В ответ я спросил, откуда он знает, как меня зовут, где я и кто он такой? На что мне ответили: *всему своё время, малыш. Сначала скажи, с каким тебе сиропом.* Пришлось назвать мой любимый сироп, ты же знаешь, какой я люблю, Берг!

– Конечно, Эдди. Ты постоянно просишь вишнёвый с ванильным мороженым.

– Верно, Берг. Его-то я и заказал. Заказ мой выполнили молниеносно. И должен тебе сказать, что... – Эдди посерьёзней, повышая голос. – Это была лучшая газировка в моей жизни. В её букете присутствовали привкусы деликатесов со всей планеты. Там тебе и попкорн и отбивная, всё, что уже знакомо, вперемежку с тем, чего я не пробовал никогда. Вместе с газировкой я поглощал вкусы всего человечества. Отведав её, я утолил мою жажду полностью. Мне больше не хотелось ни пить, ни есть. Ей-богу, никогда в жизни мне не было так хорошо.

– Ух ты! – я снова начал сомневаться в правдивости слов старшего товарища. Однако дальнейшие события вскоре убедили меня, что Эдди говорил правду.

– А тот приятный мужчина в униформе продавца спрашивает: ну как, Эдди, *нормальный сироп?*

– Ещё бы! – отвечаю. – Лучше не было. А он в ответ: Для тебя, Эдди, только лучшее. Ты отменный вожак. Ни разу не подвёл под монастырь своих подопечных. Жаль, что не все лидеры такие как ты. А вы и других знаете? – спросил я продавца за прилавком. И знаешь, как он мне ответил?

– Нет. Как? Рассказывай, Эдди!

– Он сказал: я – Великий Кунаклястер, тот, что живёт внутри магической эмблемы под крышей сарая. Тебе известно, что есть Бог и есть боги? Конечно, – не растерялся я. – Но вы-то сами кто?

И вот, что мне ответили: Внемли, малыш, тому, кто был здесь до Бога и богов помельче. Мне об этой публике всё известно. Потому что я – Великий Кунаклястер, и я расслышал, как ты воспеваешь моё имя. По-моему, ты очень хороший мальчик.

Да, конечно, возможно, – ответил я. – Не могу сказать точно почему, но к песнопениям лично я отношусь очень ответственно, и добиваюсь от соседских ребят, чтоб они тоже исполняли их ежедневно.

А тебе известно, малыш, почему *ты* такой сознательный? – не унимался он.

Мне нет. А вам?

Мне – сто процентов, – ответил он, растягивая в слове «мне» последнюю букву. – Ведь это я подсказал тебе моё имя во сне, внушив желание твердить его нараспев. Что ты и делал.

Так вот кто мною управлял? – переспросил я.

Это был я, малыш, не сомневайся. Только учти одну вещь – моё послание получило множество ребят во вселенной, но ты оказался единственным, кто отреагировал на него как надо. Ты хорош по-настоящему, Эдди, и эта газировка, поверь, сушая мелочь перед тем, что ты получишь от меня в дальнейшем. А подарков будет много. И все одного качества с газировкой, которая только что тебе вскружила голову.

Вскружила, и ещё как. Такой просто так не угощают! А ещё дадите?

Конечно, дам, – заверил меня Кунаклястер. – Будь уверен, малыш, отныне каждая газировка будет того же вкуса, что и эта. Дарю. Пока ты поёшь как следует.

Фантастика! Вы и это можете?

Я могу такое, – похвастал он. – Что тебе, малыш, и не снилось. И ты в этом скоро убедишься. У нас впереди много встреч и масса хороших дел. А за мною – много красивых подарков. Пока ты поёшь. Пой, Эдди, и твоя жизнь покажется тебе раем.

И не успев опомниться, я вновь очутился верхом на велосипеде. Полной уверенности, что всё происшедшее реально, у меня не было. Я посмотрел снизу вверх на значок, и он улыбнулся мне в ответ со словами: не теряй веру, Эдди. Та газировка не менее реальна, чем твой нос.

– Ух, ты! – воскликнул я. Теперь я ему верил, потому что никому не под силу придумать историю, которую я услышал от Эдди.

– Само собой, Берг, время от времени наша вера ослабевает. Человек не может постоянно пребывать в форме на сто процентов. Даже на восемьдесят или на семьдесят. Ничего не поделаешь – мы живём в эпоху слабаков. И регулярно проявляем слабость сами. Из-за этого время от времени колеблется сила нашей веры. Но мы не поддаёмся тоске и унынию, укрепляя нашу веру повторением мантр и псалмов.

– Пой и ты, Берг. Пой и не сдавайся, и однажды Кунаклястер, наш Великий Кунаклястер... – возопил Эдди, и стены подхватили эхо его «ура». – Однажды все мы сольёмся воедино! Ура!

Дальше мы голосили с ним на пару.

В моей голове цвели картины окончательного пришествия Кунаклястера. В небе тут и там висели радуги, а с земли взлетал фейерверк, осыпая звёздным дождём золотой небесный град, где каждый обречён вечно упиваться своим счастьем.

Я поделился своими видениями со старшим товарищем.

– А вот это чудесно, Берг, – похвалил меня Эдди. – Потому что место сие не мифическое. Мне доводилось бывать там лично. И доложу тебе, это нечто особенное. А судя по сюжетам, тебе привиделась именно Валгалла, где нам предназначено объединиться под руководством Кунаклястера.

– Ура!

– Ура!

– Но сначала – Армагеддон и полное истребление особей «Крелль». Не сомневайся, Кунаклястер с нами, а стало быть наши шансы на победу велики.

Когда мы наконец вышли на поверхность, у входа в Член-клуб толпилось множество наших соратников, ожидая нас.

– И поведёт нас не один Великий Ка, а также и прежний фюрер американской молодёжи – Адмирал Келвинатор. Да, адмирал Келвинатор, создатель знаменитых холодильников, готовый предоставить нам шкалу Кельвина для ориентации.

Услышав сразу оба имени великих вождей, члены клуба закружились, прихлопывая и распевая:

*Ом Сри Джаси Сри Адольф Гитлер Анандайя
Адольф Гитлер Адольф Гитлер
Гитлер Гитлер Гитлер
Гитлер Адольф Гитлер Адольф
Адольф Адольф*

И т. д. Затем один из наших малышей заорал:

– Эй, а почему бы нам не пропеть тоже самое под звуки *гамелана*?

Сказано – сделано. Мы повторил наши мантры под аккомпанемент индонезийской *идиофоники*.

Не представляю, каким путём эти инструменты попали в Азалия-сити, Но у Денни Брисса оказался комплект для целого оркестра, прямо с острова Ява. А это большие составы всевозможных гонгов, ксилофонов и колокольчиков. То есть всего того, что издаёт необычные звуки, если по нему постучать. Есть там и флейты, и минимум одна скрипка. И особая яванская гитара. И миниатюрный *мурдунган* — род барабана из Южной Индии. У него две головки на одном корпусе, и играть на нём куда интересней, чем на дурацких *таблах*. Ансамбль следует за перкуссионистом и, если хотите знать моё мнение, нет музыки прекраснее той, что исполняют такие оркестры.

В жилище Бриссов был целый склад необычных вещей. Акульки челюсти, засушенные головы, фетиши и предметы чёрной магии. Всё это мистер Брисс собрал, странствуя по свету, хотя я уже не помню, какова была цель его странствий.

Я бы мог ещё много чего рассказать про гамеланы, но не хочу тратить время. Одна важная деталь – инструменты в этом оркестре настроены иначе, чем в европейском. К примеру, два металлофона «гангса» не должны звучать в одной тональности. А если их четыре, чистую ноту «ля» будет издавать только один, а другие будут звучать чуть выше или ниже. Таким способом достигается переливчатый, «мерцающий» эффект, отсутствующий у оркестров европейского типа. Непривычная, но чарующая тональность очень быстро привораживает слушателя.

Остаток того дня мы провели, играя на индонезийский манер любимые песни нашего клуба. В том числе и «Хорст Вессель».

А вскоре надо мной решили подшутить. Я не подозревал что это розыгрыш и страшно испугался. Однажды летним утром, сразу после завтрака я отправился к Эдди и Лэрри, чтобы принять участие в наших песнопениях.

– Здорово, Берг! – обрадовался Эдди, едва увидев меня. – Как поживаешь?

– Отлично. А во что мы играем сегодня?

– Я пока ещё не решил. Могу одно сказать, сегодня у Джорджи произойдёт кое-что интересное.

Джорджи представлял в нашей организации мелюзгу. Будучи старше меня, он тем не менее был ещё глупее.

– Мы тут решили, что мальчика из Джорджи не получается, в связи с чем он будет направлен в санаторий, где его превратят в девочку, *кое-что удалив*. Надеюсь, девочка из него выйдет лучше, чем мальчик.

Сказав это, Лэрри поднялся на крыльцо и объявил:

– Так-то, Берг! Сегодня вместо Джорджи появится Джорджиана. И для тебя это очень важный процесс, поэтому следи за ним внимательно, поскольку мы все убеждены, что из тебя со временем выйдет нормальный мальчик. Нам бы хотелось просветить тебя на тему смены пола заранее, чтобы ты не испугался. По сути, Берг, процедура эта пустяковая, в том плане, что любую отрезанную вещь можно пришить обратно. И если Джорджи не освоится в роли девочки, ему всегда смогут вернуть его прежний вид. Ведь пенисы у нас продаются повсюду.

– Повсюду, – закончил свою мысль Лэрри. – В той же скобяной лавке у Янгблада или в «Народной аптеке». Это не проблема. В общем, Берг, всё это не более, чем урок анатомии.

– Здорово, здорово! Я буду смотреть внимательно. А в какую игру мы сыграем сегодня?

Никто не планировал ничего определённого, поэтому мы решили просто прогуляться на Серебристый Ручей и посмотреть, что там происходит. Денёк выдался довольно жаркий, идея не очень оригинальная, но сгодится и она. Мне просто хотелось находиться среди друзей.

Обратно мы возвратились пешком лишь к обеду. Солнце оставалось в зените и после обеда. Была середина лета, жара не спадала, было очень влажно и душно.

Я снова пришёл к Эдди и Лэрри. Братья сидели в прохладной тени подъезда. Никто не вспоминал про Джорджи, никто не говорил про пол или пенис. Эти ребята знали своё дело. И если они показывали вам фокус, это был настоящий фокус.

Мы обсудили всё на свете, кроме Джорджи. Наконец я не выдержал и спросил, как его дела. Мне было жутко любопытно, поскольку все мы, по крайней мере, я-то уж точно, был озадачен темой пенисов – у кого они есть, у кого их нет, и сколько их и для чего.

– Молодец, что напомнил, Берг! – похвалил меня Эдди, изображая забывчивость. – Мне тоже интересно, как там наш Джорджи.

– Пора проверить, – поддержал брата Лэрри. – Пойдём, посмотрим, чем там всё закончилось.

– Да, да, любопытно, как выглядит Джорджи, если он уже девочка.

– Надо идти, – повторил озабоченно Эдди. – Иногда операции этого рода завершаются неудачно.

– Бывает и так, – согласился Лэрри. – Больных принято навещать в любом случае. Выдвигаемся.

И мы зашагали вдоль Баффало Авеню.

– Интересно, они вернули Джорджи его пенис? – спросил Лэрри.

– Трудно сказать, – буркнул Эдди. – Впрочем, вот и он. Выписался, значит. Пойдём, спросим.

– Привет, Джорджи. – сказали мы хором. – Как самочувствие?

– Спасибо. Чудесное.

– Они тебе его вернули?

– Конечно. Лежит в морозилке.

– А нам посмотреть можно?

Почему же нет? Айда на кухню!

Мы поднялись по задней лестнице и проникли в кухню. Эдди распахнул недорогой холодильник и стал в нём шарить, приговаривая: странно, где же он?..

Я стоял у него за спиной, вытягивая шею от любопытства и азарта.

– Так, интересно, а вот это не ОНО?

Едва сказав *оно*, Эдди резко обернулся и стал трясти своей находкой у меня перед носом. Я не мог разглядеть, чем он трясёт, потому что он тряс очень быстро.

– Вот оно! Вот оно! Вот оно! – орал он мне при этом в лицо.

Меня пронзил внезапный страх, и я тоже стал вопить и плакать: Нет! Нет! Нет!

Я хотел убежать, но меня окружили со всех сторон, не давая шевельнуться. И тут Эдди, заметив мой неподдельный ужас, на который он не рассчитывал, выкрикнул:

– Это же просто куриная шейка, ты, нюня. Куриная шейка, понял? Петушка обезглавили.

Но ситуация вышла из-под контроля. Началось то, чего никто не ожидал. Смекнув, что они отрезали голову несчастному петуху, я принялся орать ещё громче, покуда Эдди не привёл меня в чувство, заверив:

– Это всего лишь шутка. Успокойся, Берг.

– Нет, не шутка! – взвизгнул я в ответ. – Вы его обезглавили, обезглавили, обезглавили, как вы могли, ненавижу вас, ненавижу вас, ненавижу!

– Не делали мы этого, Берг! Это розыгрыш. Шутка, Берг!

Но я уже бился на полу в истерике, не веря никому из них.

– Ладно, Берг, вставай, мы покажем тебе петушка, и ты увидишь, что голова у него на месте. Никто её не отрезал. Петушок цел и невредим... – в его голосе появились утешительные нотки.

В конце концов я встал, мы вышли на птичий двор, где мне показали того самого петуха. С петухом всё было окей, и я ещё долго просыпался по утрам от его крика.

Со мною тоже стало всё окей, и постепенно я успокоился. Но не сразу...

VI. Моя вторая жизнь

Само собой, я не рассказывал ни Эдди, ни Лэрри, ни остальным ребятам, что веду двойную жизнь, имею два гражданства, две религии, две идеологии и много чего ещё. Не сообщал я им об этом раздвоении лишь потому, что сам о нём не знал. Будучи не в состоянии уяснить наличие друзей двух противоположных видов, друзей, которые ненавидели друг друга, оставаясь друзьями одного человека. Меня самого было двое – один посещал школу в округе Колумбия, другой обитал в окрестностях Азалия-Сити.

Американское гражданство я сознавал весьма туманно. И находясь в каждой из двух групп, я был вынужден скрывать уйму информации о каждой из них. Общаясь с одними, я отрицал существование других поочерёдно.

Дело в том, что когда мы переехали в пригород Мериленда, на семейном совете было решено, что вместо здешней начальной школы я буду посещать ближайшую в округе Колумбия. По какой-то причине детей из Мериленда не обучали в школах округа Колумбия.

До определённого времени.

К тому же родители верили, что школы в округе лучше общественных школ Мериленда. Кое-кто из местных ребят тоже учился там, где и я. Но ни один из них не был членом нашей шайки. Кроме меня туда ходили: еврейская девочка Джуди Левайн и полукровка Дэвид Биттл. Причина – качество знаний.

Так я оказался зачислен в округе Колумбия. Большинство тамошних ребят было мне не знакомо. Я посещал церковь напротив школы – церковь епископальной Троицы. Протестантскую.

Хотя меня и крестили без спроса в католичестве, будучи к тому же, как оказалось, евреем, я всю жизнь питал к этому приходу большое почтение и любовь.

Зато у Биттла проблемы с самоопределением начались буквально с пелёнок, потому что отец у него был еврей, а мать – католичка.

«Кто же я – иудей или гой?» – Этим вопросом Биттл изводил себя во время долгих прогулок, тщетно пытаясь определить, чего в нём больше. Одержимость вопросом идентификации сопровождала его на протяжении всей жизни.

Подливали масла в огонь и сваты из соперничающих еврейско-католических группировок, готовых перетянуть, переманить и переварить несчастного парня у себя во чреве, всячески запутывая его *Weltanschauungen* — мировоззрение.

Семейство Хонов сражалось с той же проблемой, но в нём было два бойца – Патти и Голди Хон. Мистер Хон был евреем, а мать – нет. Патти решила, что она «шикса», а Голди наоборот – «мейделе», еврейская девочка.

Что касается меня, я ещё не знал, что существую как отдельная личность, способная что-то делать или где-то находиться порознь от поглотившего меня коллектива.

Будучи слишком мал для формирования концепций, я влачил существование тусклого и неприметного хамелеона, который, не зная дискриминации, меняет цвет, облик и акцент между *властями большой тройки*.

Я был придатком семейства Фэй, членом местной гойской банды, а в школе у меня была секретная любовь, о которой никто ничего не знал, а я никому никогда о ней не рассказывал за все эти тридцать, а то и сорок лет.

В школе я стал играть с одной первоклассницей, или она начала играть со мной. Шестидесять процентов инициативы исходило с её стороны. С моей – сорок. И она обучила меня новым играм. Они были связаны с языком. Она не учила меня разрабатывать концепцию. Я узнал об этом не от неё, скорее от её отца, много лет спустя, но она этим не занималась.

Она поведала мне о необычных сказочных людях, совсем не похожих на мутантов племени «Крелль», о чудесных блюдах их национальной кухни – они жили вблизи от нашей школы. А потом настал черёд для необычной музыки. Она так и сказала:

– Джонни, я хочу рассказать тебе, какие странные звуки сопровождают наши вечеринки. Преобладают кларнеты и барабан, играют они быстро, и гости нередко исполняют свой танец, только я не знаю, как он называется.

– А ты спой мне одну из этих песенок, – предложил я моей дивной подруге из первого класса. – И может быть я пойму, о чём ты говоришь.

Названия у пропетых ею песен были какие-то неамериканские: «*Tzena, Tzena, Tzena*», «*Oyfn Weg Shtet A Baum*», «*Die Zilberne Kasene*», «*Frolekes*», «*Hatvikeh*» — остальные звучали не менее странно. И в очередной раз, так же, как я уже был очарован самой этой «мейделе» – глубиной её чёрных глаз, совершенством её хрупкой фигурки, чистотой школьной формы, запахом её кожи, вкусом её домашней еды, инопланетной атмосферой её дома, насыщенной словечками, чрезвычайно точно обозначающими странности поведения и характера массы людей и ситуаций – точно так же я оказался покорён нездешним, каким-то *армянским*, что ли, мелосом этих новых песен.

Там, где должен быть мажор, звучал минор и наоборот. То есть всё было переставлено не на свои места, и я находился там, где мне находиться не следовало, потому что «делай, что хочешь, только не водись с евреями, они, коварные и мелочные, непременно тебя испортят» – так учил меня Эдди.

Однако в данном случае это явно не соответствовало действительности, потому что и Натали Фельдман и члены её семьи, которых я очень полюбил за три года обучения в начальных классах, полюбил так сильно, вопреки запретам Эдди и Лэрри, и национальной политике нашего Член-клуба, согласно которой, мне не следовало даже заговаривать с этой злостной растлительницей, потому что всё могло закончиться либо ничем, либо большой обидой. Но я никого не любил в моей взрослой жизни так, как её.

Тем не менее мне бы следовало прислушаться к мнению антисемитов, поскольку именно этим всё и закончилось.

Всё шло нормально до третьего класса. Мы были тесно и счастливо связаны узами юмора, веселья, песен и шуток собственного сочинения, ограждавших нас от мира взрослых, который вскоре атакует нас глубоко и болезненно, не задумываясь о глубине причиняемой боли, которая окажется сильнее всех обид, унижений и травм, уготованных нам обществом в ещё не наступившей взрослой жизни.

VII. История Наташи Фельдман

Итак – роковая женщина в начальных классах. Фантастика, не правда ли? Конечно, она была сообразительней других ребят, и очень любила словесные игры.

Покажите мне американского гою, чтобы он в них играл.

Ещё ей нравилось сочинять песни и фантазировать.

Но это были совсем не те мистерии, какими мы баловались в нашей пригородной организации «Член-клуб» Азалия-сити.

В них было больше интеллекта. Насилие, секс, калеки и трупы – всё это тоже было, только с помощью слов.

В своём тогдашнем возрасте она смогла разглядеть и осознать лицемерие и могущество Великого Зверя, подёнщину, скуку и однообразие, зверскую ненависть и агрессивность, копируемую в теряющей рассудок культуре гойского мидл-класса. То же самое она замечала и среди своих. И не просто умела всё это описать. У неё получалось разложить предметы по полочкам, как у преподавателя. Она разъясняла каждую тему, делая её постижимой, хотя в целом вся эта ахиня была лишена смысла.

Бессмыслицу я мог осознать и сам. Её все вокруг ощущали. Но только Натали могла её объяснить.

Вот почему я провожал её до дома после занятий ежедневно, посвящая каждую минуту нашим «играм».

Но мы не играли с ней в то, во что играют другие дети. Мы не растрчивали энергию друг друга на глупую беготню и преследование. Мы стимулировали наш интеллект, препарировав лицемерие, безумие и глупость управляющих нами взрослых.

И хотя на первых порах я был только её слушателем, вскоре я стал делать самостоятельные открытия по теме «общества», в котором мы живём. Открывая то, что оно не желало демонстрировать.

Потому я и был избран её учеником, а она моим гуру. Потому и оказались мы неразлучны. Ежедневные встречи с Натали стали для меня источником реальных знаний.

Никто не мог так хохотать, как она – громко, утробно, до изнеможения. И очень привлекательно.

Мы понемногу изучали идиш. От неё я узнал, что такое «фарпочкет» и «цицмус». Всё они были частью иностранной чарующей парадигмы, о близости которой не подозревали те, кто живёт по шаблону *WASP*. Эти слова рождались в сумраке параллельной реальности, где царит совсем иное мировоззрение.

Мир, в котором всё иначе от и до. Поясняя его ключевые слова, она позволяла такие выражения и отдалённые (*far-blown – farblondjet*) примеры, что мы потом хохотали как ненормальные, не в силах вымолвить ни слова по многу дней. Истерический смех сопровождал нашу каждую встречу.

Моим любимым словом стало «онгепочкет» – нечто сложное, но бессмысленно сложное, как само наше существование, о котором мы придумывали песенки, бесконечные, как оно само:

*Где ты был, Билли-бой, Билли-бой,
Говори, где ты был, славный Билли?
Я ходил и гулял, сдобный бублик берлял,
Что у Гегеля спёр на могиле...*

Или:

*Чёрт понёс меня в гетто,
Где гуляли скелеты...*

Или:

*Я летал к Папе Пио
Делать кулоскопию.*

Или:

*Ездил к Урбану-папе
За тюрбаном на драпе.*

Или:

*Повесив кипу на менору,
Надену я шляпу-федору.*

Или:

*Пойду куплю обмоток
Под цвет твоих колготок.*

Или:

*Если там читает Сруль,
Все ребята рвутся в шуль.*

Или:

*Самый опытный моэль
Сделал мне «Эммануэль».*

Вот в каком восхитительном мире я оказался, благодаря Натали. Не было друзей ближе нас, и не было влюблённых моложе. А потом однажды утром она сообщила мне в школе, что ей нельзя выходить за гою.

– За гою? – переспросил я.

– Ну да, – так сказал её отец, а он грамотный человек и общается с *Сатмарским Ребе*.

Из гоев получают плохие мужья.

– Гои, браки, мужья – что за ерунду ты городишь, Натали?

– Шейгец колотит жену, плюёт на детей, не хочет работать, потому что ему лень... С женою не обходителен, подобно мужьям-евреям. Гойские мужики напьются и валяются, и это с ними происходит постоянно – пьют и валяются. В общем, извини, Джонни, но я не могу стать твоей женой.

– Женой? Не рановато ли нам? Какая к чёрту женитьба в нашем возрасте?

Я было решил, что она заболела и бредит, но слёзы хлестали из неё, как из маленького кошерного кита.

– Так, достаточно, – сказал я. – До этих штучек мне нет никакого дела. Всё, чего мне хочется, это играть с тобой как прежде.

И тут были произнесены роковые слова:

– Нам нельзя играть вместе.

– Нельзя играть вместе? Чёрт возьми, почему?

– Отец боится, что у нас могут возникнуть дурные мысли.

– Дурные мысли?! – я психанул. Глаза мои застлал кровавый туман, и я психовал весь день.

Значит, мне можно играть или с гоями или ни с кем. Вот я и буду ни с кем, созерцая багровые сполохи на окружающих предметах.

Меня отпустило не сразу. За багрянцем нахлынула чернота. Затем отступила и она. А вместе с нею и воспоминания.

Пришлось потерпеть, но и красное, и чёрное, и память – всё отошло. Тридцать лет, как они отпустили меня, и приходят вновь только при психоанализе.

Такое вот происшествие.

Играя в показных либералов, родители Натали пригласили на её день рождения весь наш класс. Даже меня – равенство, ха!

Тогда-то мы и встретились лицом к лицу – я и мистер Фельдман с его полированной лысиной, пухлым туловищем в костюме от Братьев Брукс, и лицемерной улыбкой.

Я разыгрывал невинность. Я притворялся дурачком. Я делал вид, будто я совсем ни при чём, принимая целую порцию именинного торта с неаполитанским мороженым.

Разумеется, я к нему не прикоснулся, а спрятал под стулом.

А потом сходил за добавкой. Ещё и ещё раз.

В общей сложности, мне удалось повторить процедуру не менее пяти раз. Вёл я себя так обходительно, что лысый ничего не заметил.

А когда он повернулся ко мне спиной, я начал метать в него тарелки: раз, два, три, четыре, пять.

Ода радости, поэма экстаза и триумф воли. Мистер Фельдман был сплошной крем и сироп. Мой корабль шёл ко дну, вернее, он уже затонул, но я не сдавался. Никто не может поступать так безнаказанно, как он обошёлся с нами. Но когда этот ёлочный триффид приблизился ко мне, сверкая сквозь кремовую маску глазами, я не дал себя схватить...

Я попросту сбежал.

На улице я был в безопасности, там ему меня было не достать.

Мне казалось, что я в безопасности.

От других.

Но не от себя.

По мере моего приближения к железнодорожному виадуку, всё вокруг начинало чернеть. Чёрные ночи, чёрные дни, всюду только чёрное на чёрном.

Но в течении дальнейших недель мне удалось подавить память об инциденте. Вместе с отращиванием к себе за мой антисемитизм. И больше я о нём не думал.

Кроме одного случая.

Я встретил Натали Четвёртого Июля. Мы не виделись два месяца.

– Привет, Джонни.

– Привет, Натали.

У неё был скорбящий вид, словно она сейчас заплачет. Впрочем, я тоже готов был расплакаться.

– Ты меня всё ещё любишь?

– Я тебя всё ещё люблю.

И больше мы не говорили про любовь. Она не дала мне шанса ответить. Ответ на её вопрос читался в моём взгляде.

– Мне очень жаль, что мой гое-боязливый папа довёл тебя такого состояния. Искренне жаль, поверь.

И по нашим лицам снова потекла солёная влага.

– Мы оба были так счастливы – и ты, и я, пока...

Она не закончила фразу. А я всё ещё любил её, правда.

И она меня. Но мы оба стали жертвами родительского мракобесия.

Ближе к вечеру нам удалось ослабить наши страдания совместным исполнением нашей песенки:

*Где ты был, Билли-бой, Билли-гой
Расскажи, где ты был, славный Билли?
Моё милое создание,
Я ходил на обрезанье
И меня там бесплатно побрили...*

И так эта песня летела, а мы смеялись, как положено это делать Четвёртого Июля – весело, беззаботно. Как ни в чём не бывало.

В скорости её семья съехала куда-то за городскую черту, и больше я её никогда не видел.

Она не припоминала мне мороженое и торт.

Тактично с её стороны.

А потом и я о них забыл.

Но две мои первые жены подряд оказались еврейками. Вы проиграли, мистер Фельдман.

Вожатый

Эдди не было пятнадцати, когда он понял, что ему надо ехать и поступать в колледж.

Патриот и лидер от природы, он любил свой край, но в городишке вроде нашего мог быть самым собой по-настоящему, только наряжаясь девочкой на Хэллоуин. Он мог засунуть сзади швабру, типа это начёс, и мотать голову туда-сюда, совсем немного, потому что он и так был прекрасен. В нашем городишке он не мог реализовать себя полностью, чтобы ходить и крушить и ломать всё подряд, рвать, разбивать, колошматить, выдёргивать всё подряд, колоть и кромсать всё подряд, выламывать, драть, демонтировать всё подряд, дербанить, курочить и портить...

Вы догадались, почему.

Почему он не мог делать два дела сразу? Громить что ни попадя, изображая девочку внутренне и внешне. Как ему совмещать оба дела в одном месте одновременно? Успевая руководить юношеским клубом, голосовать за республиканцев, развозить газету.

Поэтому, отработав пару-тройку лет в супермаркете, Эдди в конце концов поступил в Техасский Сельскохозяйственный и поселился в студенческой общаге. Надо отметить, что в *Штате Одинокой Звезды* о его тайных пристрастиях знали не больше, чем там, откуда он приехал. Так что днём он спокойно зубрил экономику, а потом, прошмыгнув в местный *недрайон*, бесновался до восхода солнца.

Годы спустя я навестил его в Хьюстоне, куда он успел переехать. Он только-только заразился СПИДом, который в ту пору все называли *голубым раком*.

Он не хотел, чтобы я знал, ему не хотелось причинить мне боль. Он так и остался заботливым вожаком нашей шайки. Старым добрым Эдди.

Поэтому мы в основном говорили о прошлом, а это невесёлая тема. Он сообщил, что живёт в Хьюстоне с восемьдесят какого-то: «мятежное было время».

Он всегда изъясняется таким манером – вроде бы конкретно о себе, но расплывчато и обобщённо, посему подробностей «мятежа» я из его слов не почерпнул.

Теперь он служит детским консультантом в хьюстонской системе образования, иными словами, всё тем же вожатым.

Он не меняется и не станет другим никогда.

Добро.

Меня его выдержка восхищает.

– Ты не поверишь, но я занимаюсь с чёрными детьми, – сообщил он мне, провожая в забитую антиквариатом гостиную.

– Ирония судьбы, – вырвалось у меня. – Учитывая идеологию вашего клуба. Кстати, твой братец Мелкий Лэрри тоже ведёт младший класс для чёрных, я его тут видел.

– Ну, ведёт. А что ещё ты можешь предложить? – парировал он.

– Да тоже особо ничего.

Я стал разглядывать старье и безделушки, которыми был набит его таунхаус. В том числе и неотразимо прекрасный, под два метра абажур в стиле *ар нуво*. Остальное, правда, не запомнилось, кроме зеркала тридцатых годов, перед которым я едва сдержался, однако промолчал.

Эх, если бы тот торшерчик...

Он пока ещё выглядел здоровым, даже не начал худеть.

– Ты жил намного насыщенней, чем я, – заметил он.

– Подумаешь, – возразил я. – У китайцев это проклятье – «чтоб ты прожил насыщенный год».

– Впервые слышу.

– Говорю тебе – мне просто приходится вкалывать. И чтобы такое занятие было увлекательным, необходимо находиться в идеальной физической форме. А я не люблю возиться с гантелями. Надоедает. Понял мою мысль?

– Понял твою мысль.

Мы обсудили его истощённое состояние. Он описал мне все симптомы, какие его мучают, включая слизи в кишках.

Он говорил, что это рак.

– *Голубой рак*, – уточнил я.

– Как ты? – вспыхнул было он, но не закончил фразу.

– Мне до всего есть дело. Я в курсе этой болезни. Ты не единственный среди моих знакомых, кто её подхватил.

– А ты-то?

– Не волнуйся, такие вещи не в моём репертуаре. Я даже не знаю как.

– Тогда слава богу. Я никогда не хотел будоражить соседей. Особенно тебя, памятуя твой тогдашний возраст, да и всех остальных тоже.

Он надолго замолчал. Я тоже. В надежде, что он не вернётся к этой теме.

– Бобби Симан подрочил мне в седьмом классе. С этого всё и началось.

– Я знаю.

– Откуда?

– Ты сам тогда всем рассказывал. Всё было известно с самого начала.

– Вот как? Значит, я забыл.

– Прикольно.

Кто, как не Эдди научил меня этому слову – «прикольно».

– А ты в курсе, – начал я, – что папа у Бобби Симана был вампиром. То есть – педофил. Надеюсь, ты ещё помнишь наши кодовые названия. Бьюсь об заклад, что мистер Симан не давал своему Бобби покоя чуть ли не с пелёнок. Вот когда это началось.

– Очень может быть, – задумчиво вымолвил он, глядя на меня с любопытством, явно потрясённый моей осведомлённостью.

Постепенно разговор наш сделался ни о чём. Время от времени мы пытались его оживить, но как правило тщетно. Шутки не помогали. Наша встреча походила на диалог двух членов совета директоров.

Настроение падало, становилось пасмурно-серым. Бледнее некуда, почти бесцветным, беседа безнадежно буксовала, делать было нечего.

Голос его долетал издалека, как во сне.

– Это было так давно, так давно, что...

Он разрыдался. Слезы хлынули внезапно. Взрыв. Следом расплакался и я.

Какое-то время мы плакали вместе. Как в детстве.

Эдди должен умереть.

Мы понимали это оба. Но мы оплакивали не только его смерть. Мы оплакивали боль всего мира. А в этом мире столько страданий. А ещё мы горевали обо всех надеждах и неудачах. В особенности о собственных.

Чёрт его знает, как мы дошли до жизни такой? Так далеко от дома, и от самих себя, и той жизни, что была у нас впереди, пока мы были молоды.

Теперь все надежды иссякли. Полностью. Как широко мечталось нам о будущих подвигах, которые не за горами! Горы позади, а подвигами не пахнет.

Провал, провал. Сплошной провал.

– Я хотел стать хозяином усадьбы в южном стиле, – изрёк он сквозь слёзы.

– Это я помню, – поддакнул я. – А ещё ты мечтал стать крупным политиком. То есть мы все носились с этим постоянно – играли в политиканство. Сам-то не забыл?

– Конечно, помню, – в голосе Эдди была тоска.

– И всё это были игры, придуманные тобой. Как вожатый ты был грандиозен.

– Грандиозен? Ты в самом деле так считаешь, Берг?

Он до сих пор говорит мне «Берг», но это нормально. Ведь мы давние друзья и ценим друг от друга. И скоро он умрёт. Хочет говорить «берг» – пусть говорит «берг», это уже не имеет значения.

– Ты был великим вожаком, Эдди. Следил, чтоб чего не вышло. Вожатые как правило сачкуют. А ты следил.

– Старался. Где и как только мог.

– И небезрезультатно, – не унимался я. – Никто из мальчиков не пострадал. И всё это благодаря твоей заботе. Потому и я, сменив тебя на этом посту, тоже следил, чтобы не было какой беды. И её не было. Все остались целы и невредимы.

– И знаешь, что ещё?

– Что?

– У меня бы тоже не получилось, если бы ты не сделал это раньше меня. Я всегда восхищался тобой, ценил и уважал тебя, Эдди.

– Ты? – удивился он.

– Конечно. И давай попробуем взглянуть на прошлое иначе. Даже если ты не совершил никаких других подвигов, в чём я, честно говоря, сомневаюсь, вожатый ты был что надо, и твоё благотворное влияние на всех нас воистину бесконечно. То есть, я влияю на одних, они влияют на других и так до бесконечности. Вот что значит авторитет, Эдди.

– Я никогда не думал об этом в таком разрезе, Берг. Ни разу.

– Смотри, Эдди, ты изменил к лучшему судьбы многих людей. А это дело важнее всего остального. Гораздо важнее банковских операций, или чем ты там ещё пробовал заниматься. Вся эта канитель уже не имеет значения.

Тебе надо смотреть на это под таким углом зрения, потому что так оно было, так оно есть и так будет всегда. Ты останешься жить в жизнях других на веки вечные. Возможно, это звучит банально, но это правда. Поступай, как знаешь – дело твоё. Только не отвергай, потому что не отвергнув, ты сможешь прочувствовать это по-новому. Ты сможешь осознать себя покорителем, победителем, героем, реально повлиявшим и на отдельных личностей и на всё человечество.

Итак, ты скоро умрёшь. Что с того? Вечных чемпионов не бывает. Рано или поздно придётся сойти с дистанции. Ты сам меня этому учил, и так оно и есть.

Ты делал всё, что от тебя зависело, лучше кого-либо из тех, кого я знал. Кроме шуток, поверь, – с пылом закончил я.

– Сколько ребят было у вас в шайке, Берг? – вяло поинтересовался Эдди.

– О, не так много. Человек девятнадцать, может двадцать. Меньше, чем в твоей, Эдди. Но я не давал им делать глупости. Совсем как ты, Эдди, совсем как ты.

– А не ты ли собирался стать гитаристом, Берг?

– Ни черта подобного. Так сложилось само собой. Надо было чем-то зарабатывать на жизнь.

Мне хотелось как-то оживить этот наш полуденный трёп, хотелось поднять настроение Эдди, и в какой-то мере это мне это удалось. Я старался как мог, поскольку я мог только стараться.

– Я совсем не уверен, что меня влекла жизнь вдали от дома. Напротив, мне хотелось обосноваться с какой-нибудь девушкой где-нибудь в Хайеттсвиле или Ривердейле. Растить детей, становясь помаленьку мудрее. Не отставая от старых друзей. Ну и всё в таком духе.

– Только они, – продолжал я, – не дали мне добиться даже этого. Получилась колоссальная ошибка и недоразумение. Ситуация полностью вышла из-под контроля, и я никак не мог

повлиять на ход событий. Некоторые вещи чертовски сильнее и крупнее нас. Ты-то сам как с ними управлялся?

– Вроде бы да, а на самом деле – нет, не до конца, – признался Эдди.

– Понял тебя, мне ли не знать, ещё как, – кивнул я.

В тёмной гостиной, где мы с ним сидели, воцарилось молчание.

– Я бы заглянул к тебе ещё завтра, – нарушил я тишину. – Ненадолго.

– Заходи, – одобрил он. – Хотелось бы увидеть тебя до отъезда, пока здоровье позволяет.

– Добро, – ответил я. – Зайду.

– И ещё кое-что, – спросил он. – Ты как, всё воюешь? Атакуешь их ценности, цели, машины, этих психических вампиров с их контролем над мыслями... – тут он совсем запутался.

– Ты имеешь в виду эту их ахиною, верхоглядство, бесплодие, набожность, всё то, что они – садисты, – любили вымещать на детишках вроде нас? Да, воюю. И ты знаешь, я даже не заметил, как вступил с ними в бой. Меня ослепили, и я действовал вслепую. Потрепали меня, и я из года в год не мог понять, что происходит. А потом я вернул себе зрение. Как ты меня научил. И продолжаю сражаться. И не сдамся никогда.

– Тогда всё в порядке, – он стал напевать гимн клуба «Пенис», Азалия-сити.

Теперь он снова был самим собой. Это я его привёл в норму, и это было здорово, я был несказанно счастлив.

Пришла пора расстаться. И я уходил от него с тою же песней. На сей раз совершенно серьёзно.

Потому что всё обошлось.

Я успел навестить его несколько раз. В Хьюстоне ему становилось всё хуже и хуже. Затем он подался к сестре – умирать на Восточном Побережье.

Он был так слаб, что уже не мог позаботиться о себе сам. Вот почему он перебрался к сестре, прежде чем умереть. Ну а сестра когда-то была моей няней, сидела со мной, и какая-то связь между нами осталась. Поэтому когда стало ясно, что скоро конец, она пригласила меня по телефону, потому что он умирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.